

АНТОН КЕРСНОВСКИЙ

ОДИН ИЗ САМЫХ ЗНАЧИТЕЛЬНЫХ РУССКИХ ВОЕННЫХ ИСТОРИКОВ XX СТОЛЕТИЯ

ИСТОРИЯ

РУССКОЙ АРМИИ

ОТ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА III
ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1881—1917

Антон Керсновский

**История русской армии. Том 2.
От реформ Александра III до
Первой мировой войны. 1881–1917**

«Центрполиграф»

1933-1938

УДК 63.3(0)5
ББК 94(47)

Керсновский А. А.

История русской армии. Том 2. От реформ Александра III до
Первой мировой войны. 1881–1917 / А. А. Керсновский —
«Центрполиграф», 1933-1938

ISBN 978-5-227-10183-9

В данном издании книги военного историка А. Керсновского рассказывается о русской армии конца XIX века, о Русско-японской войне, Портсмуте и Сараево, Первой мировой войне, о борьбе на Кавказе, а также о переосмыслении событий февраля и октября 1917 года. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 63.3(0)5
ББК 94(47)

ISBN 978-5-227-10183-9

© Керсновский А. А., 1933-1938
© Центрполиграф, 1933-1938

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Закат петровской империи	6
Русская армия конца XIX и начала XX века. Ванновский,	9
Драгомиров, Куропаткин	
Император Николай Александрович	19
Китайская война	29
Глава 2	33
Начало войны	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антон Антонович Керсновский
История русской армии
От реформ Александра III
до Первой мировой войны
1881–1917

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

© «Центрполиграф», 2022

Часть первая 1881–1915

Глава 1 Застой

Закат петровской империи

Царствование императора Александра III именуется «эпохой реакции». Если слово «реакция» понимать в его обывательском и упрощенном смысле как противовес «либеральным реформам», усиление полицейских строгостей, стеснение печати и т. п., то этот термин здесь, конечно, уместен. Но если под «реакцией» понимать ее первоначальное (и единственно правильное) значение, то характеризовать этим клиническим термином внутреннюю политику Российской империи 80-х и 90-х годов не приходится. Реакцией называется активное противодействие разрушительным возбудителям человеческого организма (а перенеся этот термин в плоскость политики – организма государственного). Противодействие это вращается в работе организмом противоядий этим разрушительным началам (в государственной жизни эти противоядия именуются национальной доктриной – твердой народной политикой).

Никакого противоядия разрушительным началам, все быстрее расшатывавшим здание построенной Петром империи, в русском государственном организме выработано не было. Болезнь все ширилась и въедалась в этот организм, нисколько ей не сопротивлявшийся и не хотевший ей сопротивляться. Общество радостно приветствовало раковую опухоль на своем теле, ожидая от этой опухоли своего чудодейственного перерождения. Правительство, представленное своим силам, действовало неумело, а зачастую и неумно. Вся его работа в этот период сводилась к борьбе с наружными проявлениями этой болезни, к стремлению загнать ее вовнутрь организма. На корень зла не было обращено никакого внимания – его не замечали и не хотели замечать.

Этот корень зла заключался в изношенности и усталости государственного организма. Здание Российской империи было выстроено на европейский образец конца XVII – начала XVIII столетия. Выстроенный на сваях в северных болотах блистательный «Санкт-Петербург» являлся живым воплощением великой, но чуждой народу империи. Эти петровские сваи за два столетия подгнили. Вместо того чтоб их заменить более прочными устоями, к ним лишь приставили подпорки в надежде на спасительное «авось».

Государственная машина изнашивалась. Петр I лишил ее могучего духовного регулятора, сообщив ей взамен свою мощную инерцию. Но инерция эта к половине XIX века иссякла, и машина стала давать перебои. Необходим был капитальный ремонт, а ограничились лишь заменой (в 1860-х годах) нескольких особенно сносившихся ее частей.

При таких условиях три устоя русской государственной жизни, правильно сформулированные Победоносцевым, теряли свою силу и вообще оказывались неприменимыми. Православие выражалось в вавилонском пленении церкви у светской власти, что неизбежно атрофировало церковное влияние на страну и приводило к духовному оскудению общества, а затем (не в такой, правда, степени, но все же значительному) к духовному оскудению народа.

Самодержавие сводилось к пассивному следованию по раз навсегда проторенной бюрократической – «шталмейстерско-столоначной» – дорожке, в пользовании уже износившейся и обветшавшей государственной машиной и в отказе от какой бы то ни было сози-

дательной, творческой инициативы. Народность постепенно сузилась, перейдя с имперской установки на узкоэтническую, отказавшись от широкого кругозора имперской традиции и пытаясь создать одно великорусское царство от Улеборга до Эривани и от Калиша до Владивостока. Александр III сказал: «Россия – для Русских», не совсем удачно выразив прекрасную по существу мысль. Екатерина сказала бы: «Россия – для Россиян».

Весь трагизм положения заключался в том, что правительство видело одну лишь дилемму: либо сохранить существовавший строй в его полной неприкосновенности, либо пуститься в различные демократически-либеральные реформы, которые неминуемо должны были бы повлечь за собой крушение государственности и гибель страны. Но оно не замечало третьего выхода из положения: обновления государственного организма не в «демократически-катастрофическом» духе «влево» (как то в конце концов случилось в 1905 году), а в обновлении его «вправо» – в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой российской нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно чувствовался славянофилами, но они не сумели его формулировать, не владея государственной диалектикой.

Правительство же царя-Миротворца этого пути не замечало. Обширному и холодному государственному уму Победоносцева не хватало динамизма, действенности. Он правильно поставил диагноз болезни, формулировал даже «троичное» лекарство против нее, составить же правильно эти лекарства и правильно применить их не сумел. Быть может, потому, что больной ему уже казался неизлечимым. Этому ледяному скептику не хватало пламенной веры в свою страну, ее гений, ее великую судьбу. «Россия – ледяная пустыня, – говорил он, – и по ней бродит лихой человек». Люби он Родину-мать любовью горячей и действенной – он этих слов, конечно, никогда не сказал бы.

В 80-х годах можно было бы совершить многое, не спеша перестроить государственную машину, влив старое вино в новые прочные мехи. Но ничего не было сделано – и двадцать лет спустя вступивший в полосу бурь русский государственный корабль взял курс на оказавшийся тогда единственно возможным, но фатально гибельный путь – на путь смертоносных реформ «влево».

Твердо, властно и спокойно вел император Александр Александрович Россию по великодержавному ее пути. В царствование его не случилось войн, как не случилось больших сражений в командование его Руцукским отрядом. Все решения по внешней политике принимались государем лично. Должность государственного канцлера была упразднена, министр же иностранных дел Гирс был низведен фактически до положения письмоводителя при государе.

Александр III следовал мудрому правилу: показать вовремя свою силу, чтобы отбить охоту у других ее испытывать. Англия увидела это в 1885 году. Кушка знаменовала собой конец наглой политики Пальмерстона – Дизраэли и с той поры – до русофобского взрыва 1904 года – антирусская политика Англии велась в «подполье». Что касается Германии, заключившей с Австро-Венгрией военный союз против России, то она убедилась в дальнейшей невозможности загребать жар русскими руками. Попытка Бисмарка создать в пользу Германии «союз трех императоров» успехом не увенчалась. Хитроумной его «системе перестраховок» наступил конец. Александр III проникал насквозь германскую игру, и Скерневицкий смотр 1888 года, где государь любезно чествовал двух немецких императоров – шефов варшавских гренадер, означал в то же время окончание химеры «монархического интернационала», успевшей в три предыдущих царствования принести России столько вреда.

Сближением с Францией царь-Миротворец восстановил европейское равновесие, нарушенное в Версале январским событием 1871 года и агрессивным Тройственным союзом Центральных держав в 1879 году. Посещение французской эскадрой Кронштадта в 1891 году,

подписание оборонительной франко-русской конвенции (Обручев – де Буадефр) в 1892 году, ответный визит русского флота в Тулон в 1893 году положили основу франко-русскому союзу.

Сближение это, полагавшее предел наступательным намерениям вдохновляемого Германией Тройственного союза, чрезвычайно встревожило Вильгельма II. Молодой кайзер решил во что бы то ни стало сорвать его в зародыше. Воспользовавшись панамским скандалом, он предпринял смелую, неслыханную по своей бестактности в истории дипломатии выходку, но выходка эта успехом не увенчалась. В списке «панамистов» значился загадочный инициал «М».

Часть французского общественного мнения, не без участия русских нигилистов, заподозрила российского посла в Париже барона Моренгейма. Немедленно же Вильгельм II отправил в Париж громовую ноту протеста «от имени всех монархий мира» (кайзер питал болезненную страсть к эффектным позам, театральным жестам и трескучим фразам). Попытка Вильгельма создать франко-русский инцидент и раздуть его в конфликт закончилась полной неудачей. Александр III дал сразу ему понять, что российские послы в защите посторонних не нуждаются.

Другим большим делом Александра III было воссоздание морского могущества России. В предыдущее царствование морское дело было в пренебрежении. Отсутствие сильного флота лишило Россию значительной части ее великодержавного веса и пагубно сказалось на ходе войны 1877–1878 годов. Александр III положил начало броненосным эскадрам вместо легких флотилий корветов и клиперов и воссоздал в 1886–1889 годах Черноморский флот. Корабли было поведено строить русским инженерам, на русских заводах, из русских материалов. Принятый в то же время закон о «цензах» весьма понизил качество старшего командного состава флота.

Финансовое состояние страны было отличным. Бунге и Вышеградский превратили золотой рубль в самую устойчивую и солидную денежную единицу в мире. Наконец, в 1891 году положено начало Великому Сибирскому пути – сделан огромный шаг вперед к познанию России. Закладку его произвел цесаревич Николай Александрович во время своей поездки на Дальний Восток.

Другие отрасли государственной жизни получили менее удовлетворительное развитие. Аграрная политика основывалась на сохранении земельного коммунизма – любезной славянофильским теоретикам «общины». Крестьянин так и не получил клочка своей собственной земли, о которой мечтал. Народное просвещение было в загоне. Грамотность распространялась туго, средняя же школа была задущена злосчастной системой «классицизма». Система эта, существовавшая с 1876 по 1903 год, характеризовалась исключительным увлечением древними языками при полном пренебрежении к остальным предметам. На латынь и древнегреческий языки полагалось 2600 часов гимназического курса, тогда как на отечествоведение – русскую историю, географию и словесность – 600.

Искусственно создавался тип лишних людей, многому ученых и ничему не обученных, – тип «чеховского интеллигента», тип мечтателя чужой старины, ревнителя чужеземной культуры, презирающего свое русское по неведению. Насадитель «классицизма» граф Д.А. Толстой скопировал германскую классическую программу (во многом ее утрировав), забыв, что германская культура имеет своим фундаментом римскую, тогда как русская культура (первоисточником которой явилось православие) имеет совершенно другие корни. Немецкая классическая система, пересаженная на русскую почву, оказалась «ложноклассической», лишенной корней. Классические гимназии Толстого – Делянова были таким же насилием над природой русских людей, как военные поселения первой трети столетия. Уклад их, превращавший учителей в тюремных надзирателей, а учеников – в поднадзорных, действовал растлевающе. Они сыграли большую и печальную роль в угашении духа русского общества, дав поколение Керенского и Ленина. От классической системы пострадала и армия, офицерский корпус которой стал пополняться убоявшимися премудрости гимназистами.

Император Александр II был убит в тот день, когда хотел подписать конституцию, составленную Лорис-Меликовым – посредственным военачальником и слабым политическим деятелем. Не будь злодеяния на Екатерининском канале, день 1 марта 1881 года все равно не принес бы счастья России. Конечно, «меликовская» конституция была куда осторожнее и приемлемее той, «портсмутской», что была навязана впоследствии 17 октября, но тут важно начало. В этого рода машину достаточно вложить палец для того, чтобы рука оказалась отхваченной по самое плечо. Существой в России конституция с 1881 года, страна не смогла бы пережить смуты 1905 года, и крушение бы произошло на 12 лет раньше. Александру III, отвергнувшему по совету Победоносцева меликовский проект, Россия обязана четвертью столетия блестящей великодержавности. Перед Российской империей заискивал, ее боялся весь мир. Никогда она не казалась внешне столь могущественной, как в те дни уже начинавшегося заката. Никто не слышал зловещего потрескивания внутри величественного здания, а кто и слышал – не придавал тому особенного значения. Могущество России казалось безграничным, подобно тому, как казались безграничными сила и здоровье ее исполина царя. Он сгорел в несколько недель, в расцвете сил – всего 49 лет от роду.

Русская армия конца XIX и начала XX века. Ванновский, Драгомиров, Куропаткин

Николай I и Александр II были военными по призванию. Александр III был военным по чувству долга перед страной. Он не питал страсти к военному делу, но видел и чувствовал, что судьбы вверенного ему Отечества зависят от состояния его вооруженной силы. «У России есть лишь два верных союзника – ее армия и ее флот», – говорил он и, сознавая это, неуклонно стремился к всестороннему развитию русской военной мощи. Вместе с тем государь отошел от армии. Александра II можно было всегда видеть на разводах, частых смотрах, полковых праздниках, на лагерях и в собраниях, беседующего с офицерами, интересующегося всеми их новостями, близко принимающего к сердцу события в полковой семье. Александр III ограничил свое общение с армией строго необходимым, замкнулся в тесном семейном кругу в своем уютном гатчинском дворце. Главной причиной была, конечно, перегруженность его работой, оставлявшая ему мало свободного времени.

Известную роль играла здесь и природная застенчивость государя, не любившего многочисленное общество, и, наконец, тот горький осадок, что оставило на его душе 1 марта 1881 года. «Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думавшего о возможности вторичного покушения, не покидал нас, – вспоминает о тех днях великий князь Александр Михайлович. – Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невосвратно в прошлое. Идиллическая Россия с царем-батюшкой и его верным народом перестала существовать 1 марта 1881 года. Мы поняли, что никогда более Русский царь не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием». Царские смотры стали устраиваться реже, разводы были вовсе отменены, флигель-адъютантские и свитские вензеля, щедро раздававшиеся Александром II в армейские полки, стали теперь редкими и в гвардии, сделавшись привилегией очень небольшого круга лиц.

Начало этого царствования ознаменовалось совершенным изменением внешнего вида войск. Изящные мундиры красивой армии Царя-Освободителя не шли к массивной фигуре нового государя. Александр III не считался с эстетикой, требуя национального покроя и практичности.

Новая форма была введена уже летом 1882 года. Армия стала неузнаваемой. Исчезли гвардейские каски с плюмажем, кепи и шако с султанами, эффектные мундиры с цветными лацканами, уланки и ментики, сабли и палаши. Весь этот блеск был заменен долгополыми

кафтанами на крючках, широкими шароварами и низкими шапочками поддельного барашка. Офицеры стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки – на околоточных надзирателей, фельдфебеля – на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своем сермяжном облики стали похожи на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены «вещевые мешки» – точная копия нищенской котомки, – носившиеся через плечо. Кавалерия уныло донашивала уланки, кивера и ментики со снятыми шнурами и споротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны. Офицеры стремились смягчить уродство новой формы, каждый на свой вкус. Одни укорачивали мундир на прежний образец, другие, наоборот, удлиняли, приближая его к сюртуку, третьи по примеру стрелков утрировали напуск шаровар, доводя их до носков сапог. В результате – иностранные корреспонденты, видевшие русскую армию в Маньчжурии, поразились, что нельзя было встретить двух офицеров, одинаковым образом одетых.

Этим обезображением армии была совершена психологическая ошибка. Внешний вид значит очень многое для воинского вида, поддерживающего и воинский дух. Александр III посмотрел на блестящие мундиры как на дорого стоящую мишуру. Но в глазах офицеров и солдат это была далеко не мишура. Они сохраняли преемственность с прошедшими героическими эпохами. Уже с кепи связывались славные воспоминания Шипки и Шейнова, а с лацканами и ментиками уходили предания Фридланда и Бородина. Утилитарный материализм этой реформы (бывший, впрочем, вполне в духе века) сказался самым отрицательным образом в духовно-воспитательной области – самой важной области военного дела. В пехотных полках, как гвардейских, так и армейских, солдаты, уходя в запас, отказывались брать мундиры нового «мужицкого» покроя, а на свой счет перешивали их по старой форме – обязательно с лацканами. Увольнявшиеся в отпуск щеголяли в деревне с лацканом, который снимали, возвращаясь с побывки обратно в полк. Единственной положительной стороной этой переобмундировки было введение в жаркое время года белых рубах, до той поры носившихся лишь на Кавказе и в Туркестане.

Новому царствованию нужны были новые деятели. Первым мероприятием императора Александра III в военной области было назначение военным министром на место графа Милютина генерал-адъютанта Ванновского – ближайшего своего советника в 1877–1878 годах на должности начальника штаба Рушукского отряда.

Ванновский был полной противоположностью просвещенному и «либеральному» Милютину. В сравнении с Милутиным он был обскурантом – своего рода «военным Победоносцевым», а по характеру – вторым Паскевичем. Человек в высшей степени грубый и придиричивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил это сколько-нибудь продолжительное время.

«Ведь я собака, – любил говорить Ванновский своим подчиненным, – я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет; когда вы будете начальниками, советую вам тоже быть собаками».

Заслугой Ванновского явилась отмена пагубной военно-учебной реформы Милютина. Строгий начальник Павловского военного училища видел слабую строевую подготовку милютинских гимназий с их штатскими воспитателями, не сообщавшими своим питомцам воинского духа, результатом чего был все увеличивавшийся уход их по окончании курса «на сторону». В 1882 году военные гимназии были снова преобразованы в кадетские корпуса и надлежаще подтянуты. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, введены строевые занятия, и наши средние военно-учебные заведения вновь обрели бодрый воинский дух «николаевских» корпусов. В то же время признано необходимым сохранить военные училища для подготовки однородного – одинаково воспитанного и одинаково обученного – офицерского состава. Вопрос о восстановлении специальных классов отпадал. Следует отметить, что в вос-

питатели кадетских корпусов в большинстве шел далеко не лучший элемент нашего офицерства (приманкой здесь служила спокойная жизнь, высокий оклад и быстрое производство).

Строевая служба стала вестись более отчетливо. В первую очередь была подтянута гвардия. Генералы Васмунд в лейб-гвардии Измайловском полку, Меве в лейб-гвардии Павловском довели, каждый по-своему, свои части до высокой степени совершенства. По ним равнялись другие, и характерное для милютинской эпохи «Фельдфебель, где мое место?» окончательно отошло в область преданий. Вместе с тем строевой устав был упрощен отменой ряда сложных перестроений, что характеризовало утилитарный и «будничный» характер наступавшей эпохи.

Военные реформы предыдущего царствования подверглись пересмотру особой комиссией под председательством генерал-адъютанта графа Коцебу. Этой комиссии надлежало высказаться по вопросам об устройстве Военного министерства, сохранении военно-окружной системы и выработке Положения о полевом управлении войск. Комиссия графа Коцебу отвергла проект организации независимого от Военного министра Генерального штаба на прусско-германский образец. Главный штаб продолжал оставаться, как и при Милютине, одним из канцелярских «столов» Военного министерства. Властолюбие Ванновского играло, конечно, свою роль в принятии этого решения.

Военно-окружную систему положено было сохранить, подвергнув ее лишь некоторым частичным преобразованиям. Однако милютинское Положение о полевом управлении войск 1868 года, доказавшее свою негодность в Турецкую войну, решено было заменить, и выработка нового Положения поручена комиссии генерала Лобко.

В 1881 году был упразднен Оренбургский военный округ (присоединен к Казанскому). В 1882 году Западно-Сибирский военный округ переименован в Омский. В 1884 году Восточно-Сибирский военный округ ввиду своей обширности разделен на два – Иркутский и Приамурский. В 1889 году упразднен Харьковский военный округ (присоединен частью к Киевскому, частью к Московскому). Три западных пограничных округа – Виленский, Варшавский и Киевский – получили в 1886 году систему управления, сходную с таковой же армией военного времени. Войска этих округов должны были составить главные силы трех армий на случай войны с Центральными державами.

В 1890 году утверждено выработанное комиссией генерала Лобко Положение о полевом управлении войск. В сравнении с предыдущим оно значительно увеличивало права главнокомандующего и освобождало его от опеки Военного министерства. Положение это в первый раз определяло правила формирования при мобилизации армейских управлений из военно-окружных (что упустил из виду творец военно-окружной системы граф Милютин). Вместе с тем основная язва милютинского Положения – организация отрядов «сообразно обстоятельствам» – была сохранена, и мы увидим, к каким печальным результатам эта «отрядомания» привела в Маньчжурии.

Главной заботой Военного ведомства в царствование Александра III стало увеличение обученного запаса армии путем пропуска большого количества людей через ее ряды. Ежегодный контингент новобранцев составлял при Александре II 150 000 человек, в 1881-м же году было уже призвано 235 000 человек.

Срок службы сперва оставлен тот же: 6 лет в строю, 9 – в запасе. Одним из последних распоряжений Милютина весной 1881 года было сокращение срока службы до 4 лет в пехоте и пешей артиллерии и 5 лет в прочих родах оружия. Ванновский немедленно же отменил это распоряжение, опасаясь за качество и прочность обучения. Действительно, во всей миллионной армии имелось всего 5500 сверхсрочнослужащих унтер-офицеров из намеченного в 1874 году при введении всеобщей воинской повинности числа 32 000 (то есть 17 процентов). В 1886 году срок службы вольноопределяющихся по 1-му разряду увеличен до одного года – шестимесячные «милютинские» вольноопределяющиеся давали слишком несведущих офицеров запаса.

В 1888 году количество сверхсрочных удвоилось (все еще составляя около трети намеченного числа), и в этом году было произведено сокращение сроков службы до 4 лет в пеших и до 5 в конных и инженерных войсках. Одновременно была удвоена продолжительность пребывания в запасе – с 9 лет на 18, и запасные стали считаться военнообязанными до 43-летнего возраста включительно. Никакого деления запаса на разряды Ванновский, однако, не установил – мобилизованные войска должны были комплектоваться без разбора и 25-летними запасными, только что покинувшими службу, и 43-летними «бородачами».

В 1891 году контингент обученного запаса нижних чинов был закончен – в запасе считалось 2,5 миллиона обученных людей, и в мобилизованной армии (с казачьими войсками) должно было считаться до 4 миллионов бойцов. С 1887 года всеобщая воинская повинность была распространена и на туземное население Кавказа (за исключением горцев). В конце царствования ежегодно призывалось по 270 000 человек – примерно вдвое более, чем при Александре II. Ежегодно записывалось 6000–7000 вольноопределяющихся. Была увеличена емкость училищ: в 1881 году произведено 1750 офицеров, в 1895 году – 2370. В 1882 году открыты офицерские школы – стрелковая, артиллерийская (для практического совершенствования кандидатов в ротные и батареинные командиры) и электротехническая.

Обилие кандидатов в Генеральный штаб побудило с 1885 года принимать в академию по конкурсу (трехлетний строевой ценз для кандидатов был установлен еще в 1878 году). К Генеральному штабу причислялась половина оканчивающих – остальные возвращались «окончившими по 2-му разряду» в строй. По разряду кончили академию Скобелев, Юденич и Лечицкий. Эта категория офицеров, имея возможность все время применять на практике в войсках полученные ими в академии познания, принесла армии, пожалуй, больше пользы, чем окончившие по 1-му разряду, пропадавшие даром в различного рода управлениях и канцеляриях. Сильные, независимые характеры, как правило, отчислялись во 2-й разряд, а в 1-м оставались слишком часто карьеристы, во всем согласные с мнением начальства.

В 1883 году был упразднен чин майора (окончательно) и прапорщика (оставленный лишь в военное время для офицеров запаса из вольноопределяющихся). Преимущество старой гвардии над армейцами стало лишь одним чином, а не двумя, как прежде. Молодая гвардия была упразднена, ее полки (Кирасирский Ее Величества, стрелковые 3-й Финский и 4-й Императорской Фамилии) были переведены в старую. Фактически же армейские полки стали с этого времени пользоваться преимуществами молодой гвардии. Из юнкерских училищ (с годичным курсом) стали выпускать подпрапорщиков на правах младших офицеров. Подпрапорщики эти через год-другой производились непосредственно в подпоручики.

Генерал Ванновский стремился к повышению строевого состава войск, и за период 1881–1894 годов количество строевых было доведено с 84 до 95 процентов, но только на бумаге. В то же время ничего не предпринималось для улучшения офицерской службы в строю. Условия эти были тяжелые и неприглядные, строевые офицеры по справедливости могли считать себя пасынками армии. Стоило им покинуть строй, и на нестроевых должностях они имели и высокие оклады, и быстрое движение по службе, и комфортабельный образ жизни – все то, чего не давали строевым труженикам, ковавшим мощь российской армии.

Это создавало пагубный соблазн и имело следствием утечку из строя значительного количества способных офицеров к большому вреду службы. Последствия милютинского пренебрежения к строевому знанию – тому началу, которое, по словам победителя Шамиля, «составляет честь и славу воинской службы»...

С приведением в 1879 году пехотных полков в 4-батальонный состав – 16 однородных рот, где все люди были вооружены малокалиберной скорострельной винтовкой, организация русской пехоты в главных своих чертах оставалась неизменной до мировой войны. Строевая часть, как мы видели, была значительно упрощена. Плевна имела следствием снабжение лег-

ким шанцевым инструментом всех строевых чинов, Шейново ввело перебежки. В 1886 году во всех пехотных и кавалерийских полках были заведены охотничьи команды из людей, особенно способных к разведывательной службе и выполнению ответственных поручений (по 4 человека на роту и эскадрон). В том же 1891 году преобразованы резервные войска. Номерные резервные батальоны получили наименования, а часть их – в пограничных округах была возвращена в 2-батальонные резервные полки, сведенные по 4 в резервные пехотные бригады и разворачивавшиеся при мобилизации в пехотные дивизии нормального состава.

1882 год ознаменовался разгромом русской кавалерии так называемой «драгунской реформой». Вдохновителем ее был генерал Сухотин – фактический генерал-инспектор конницы (номинально генерал-инспектором числился великий князь Николай Николаевич Старший, по смерти которого в 1891 году должность эта вообще была упразднена). Исследуя кавалерийские рейды Северо-Американской войны, Сухотин пришел к заключению о необходимости преобразовать всю русскую регулярную конницу на драгунский лад. Против этой, в сущности здравой, мысли ничего нельзя было возразить – драгунская выучка еще Потемкиным признавалась «самонужнейшей и полезнейшей». Однако Сухотин, человек примитивного мышления, материалист и плохой психолог, начал с того, что исковеркал славные наименования полков русской кавалерии, отобрал у них мундиры, которыми они так гордились (в глазах канцелярских утилитаристов эти «побрякушки» ничего не значили), посягнул на самую душу конницы – ее традиции. Увлекаясь американской ездящей пехотой, он прошел мимо всех сокровищ богатого и славного опыта русской кавалерии.

Станция Бренди заслонила и Шенграбен, и Фер-Шампенуаз, и даже знаменитый налет Струкова – налет, перед которым бледнеют все операции Стюарта и Шеридана. Этот психоз «рейдов» на американский образец, пересаженных на русскую почву, печально сказался затем при Инкоу. Мода на американских ковбоев привела к упразднению пики, оставленной лишь в казачьих частях. Сухотин не сознавал всего значения этого оружия, грозного в руках сильной духом конницы. Он утверждал, что при кратком – «всего шесть лет» – сроке службы невозможно научить кавалериста владеть этим «тяжелым и неудобным» оружием – пережитком старины, неуместным в «век прогресса техники». Предписано было усиленно заниматься пешим строем и стрельбой, что выполнялось в порядке отбывания номера, но все-таки заметно снижало кавалерийский дух. На лошадь стали смотреть не как на первое и главное оружие кавалериста, а только как на средство передвижения. Отсутствие истинно кавалерийского руководства привело к рутине, отлично ужившейся с поверхностным новаторством на американский образец. «Жирные тела» становились главной заботой кавалерийских начальников – следствием явились черепахи аллюры на ровной местности и хороших дорожках.

Условия службы в кавалерии стали неприглядными. Новые дикие наименования – «Бугские драгуны», «Павлоградские драгуны», «Ахтырские драгуны» – резали ухо кавалеристам и щемили их сердце. Многие офицеры покинули ряды конницы, особенно когда «подрагуненные» полки были одеты в кафтаны и армяки нового псевдорусского покроя и двинуты в заолустные стоянки на западную границу, откуда стала чувствоваться угроза. В Киевском гусарском полку, например, все офицеры подали в отставку, когда их полк, существовавший двести с лишним лет, был переименован в драгунский 27-й. Только что назначенный тогда командиром Павлоградского полка – «шенграбенских гусар» – Сухомлинов с горечью вспоминает об этом вандализме: «Рационализм у нас в течение долгих лет только разрушал и, не пользуясь содействием современной техники, не давал взамен ничего нового, лучшего. Так, вверенная мне часть из блестящего гусарского полка стала армейским драгунским номера 6-го полком, с традициями которого можно было познакомиться только в архивах, а не по форме одежды и гордому виду людей, ее носящих».

Численный состав регулярной кавалерии был значительно увеличен. Она была усилена более чем в полтора раза. Полки из 4-эскадронного состава приведены в 6-эскадронный, а из

новоформированных полков образована в Варшавском округе 15-я кавалерийская дивизия. Зато казачья конница несколько сократилась, ряд полков был спущен на льготу, 3-я Кавказская казачья дивизия упразднена, но сформирована новая – 2-я сводно-казачья – в Киевском округе. В общем, качество русской конницы в 80-х и 90-х годах заметно снизилось, и она приблизилась скорее к типу ездящей пехоты. Реформа генерала Сухотина останется в ее истории печальным памятником бездушного материализма и рационализма, владевших умами руководящих русских военных кругов – все равно, «гатчинского», «милютинского» или «послемилютинского» периодов – весь XIX век.

Утешительнее обстояло дело в артиллерии, стараниями своего генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича остававшейся на своей всегдашней высоте. Она была вся перевооружена клиновыми орудиями образца 1877 года хороших баллистических качеств, бившими на 4,5 версты. В период 1889–1894 годов сформировано 5 мортирных полков по 4–5 батарей в шесть 6-дюймовых мортир. В 1891 году сформирован горно-артиллерийский полк, в котором испытывались горные орудия различных образцов. Как это ни кажется странным, горная артиллерия находилась у нас все время в каком-то пренебрежении руководящих кругов, несмотря на то, что русская армия почти всегда воевала в горах и войска очень ценили эти маленькие, подвижные, тактически непрехотливые пушки с их моментальной готовностью к стрельбе с любой позиции.

С увеличением офицерского состава артиллерии одного Михайловского училища оказывалось недостаточно, и в 1894 году в артиллерийское было преобразовано и Константиновское. Великий князь обращал особенное внимание на стрельбу и всячески поощрял ее учреждением состязаний (знаменитый «кубок генерал-фельдцейхмейстера», «фельдцейхмейстерский значок» и т. д.).

В связи с усиленным строительством крепостей на западной границе значительно увеличен состав инженерных войск. В конце царствования Александра III их считалось 26 батальонов (21 саперный, 5 железнодорожных).

Изменение политической обстановки сказалось и на дислокации войск. В 1882–1884 годах вся кавалерия (за исключением 1-й и 10-й дивизий) сосредоточилась в Западных пограничных округах. Туда же двинута треть кавказских войск. В 1883 году простилась с Кавказом 41-я пехотная дивизия, в 1888 году за ней последовала на Запад 19-я и ряд конных полков. Тогда был расформирован II Кавказский корпус и образованы управления новых корпусов – XVI в Виленском и XVII в Московском округах. Из Казанского округа двинуты в пограничные все полевые войска (40-я, а затем и 2-я пехотные дивизии) и там оставлены только резервные бригады. В Московском округе резервные войска составляли треть общего числа пехотных батальонов. В 1894 году в Санкт-Петербургском округе образован XVIII армейский корпус.

В 1883 году Россия лишилась Белого Генерала. Не только армия, но и вся страна понесли жестокую, невознаградимую потерю. Смерть Скобелева вызвала взрыв отвратительного ликования в Австро-Венгрии, и особенно в Германии, где поняли, что не стало человека, способного напоить своего белого коня в волнах Шпрее.

«Ну, и этот теперь не опасен! – восклицал берлинский «Биржевой курьер», торопясь поделиться с читателями этой радостной новостью. – Пусть панслависты и русские слависты (sic) плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления мы не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слова к делу».

Англичане – враги более благородные – имели приличие не выставлять охватившего их чувства глубокого облегчения.

Все же в царствование императора Александра III не было недостатка в крупных военных деятелях. Войсками Варшавского округа командовал суровый победитель Балкан Гурко, наложивший на них неизгладимый, отчетливый и воинственный «гуркинский» отпечаток. Виленский округ возглавлял Тотлебен (умерший в 1884 году), Киевский – с 1889 года – яркий, хоть и парадоксальный Драгомиров. Начальником Генерального штаба все царствование пробыл генерал Обручев, а начальником академии после Драгомирова стал Леер.

Наиболее своеобразную фигуру представлял М.И. Драгомиров. Зимница и Шипка показали блестящую подготовку его 14-й дивизии и создали ему заслуженную боевую репутацию. Человек больших достоинств, он имел и большие недостатки, сделавшие его влияние на армию в конечном счете отрицательным. Большой ум уживался у него с отсутствием интуиции – разительная аналогия со Львом Толстым, великим писателем и ничтожным мыслителем. Толстой, пытаясь создать философскую систему, стал только анархистом русской мысли. Драгомирова, вполне разделявшего толстовский софизм о ненужности вообще «несуществующей» военной науки, можно назвать анархистом русского военного дела. То же отсутствие интуиции, что помешало Толстому понять Евангелие, воспрепятствовало Драгомирову постигнуть «Науку Побеждать». Он воспринял ее односторонне, по-доктринерски. Взяв в основание вечную и непреложную истину о первенстве морального, духовного элемента, он свел ее к отрицанию военной науки вообще, и стратегии в частности, своего рода военному нигилизму. Все военное дело низводилось им к тактике, а тактика – к тому, чтобы «брать нутром».

Драгомиров противопоставлял дух технике, не сознавая, что техника отнюдь не враг духа, а его ценный союзник и помощник, позволяющий сберечь силы и кровь бойца. Все свои тактические расчеты драгомировская школа строила на горах человеческого мяса, потоках человеческой крови – и эти взгляды, преподанные с кафедры заслуженным профессором, а затем и начальником академии, имели самое пагубное влияние на формацию целого поколения офицеров Генерального штаба – будущих «минотавров» Мировой войны. Считая, что всякого рода техника ведет непременно к угашению духа, Драгомиров всей силой своего авторитета противился введению магазинного ружья и скорострельной пушки, которыми уже были перевооружены армии наших вероятных противников. Когда же, несмотря на все его противодействие, скорострельные орудия были введены, Драгомиров все-таки добился, чтобы они были без щитов, «способствующих робости».

Результат – растерзанные трупы тюренченских и ляоянских артиллеристов, зря пролитая драгоценная русская кровь. Принятую Драгомировым систему воспитания войск нельзя считать удачной. В бытность его начальником дивизии он развил инициативу частных начальников – батальонных и ротных командиров – до высокой степени совершенства. Став же командующим войсками, всячески подавлял инициативу подчиненных ему корпусных командиров и начальников дивизий. Обратив все свое внимание на индивидуальное воспитание солдата («святой серой скотинки»), Драгомиров совершенно проглядел офицера, более того, сознательно игнорировал офицера (его всегдашнее иронически-презрительное «гас-па-дин офицер!»). Нарочитым умалением, унижением офицерского авторитета Драгомиров думал создать себе популярность как в солдатской среде, так и в обществе. Памятным остался его пресловутый приказ: «В войсках дерутся!» – незаслуженное оскорбление строевого офицерства... Впоследствии, болезненно переживая первую русскую смуту, он рекомендовал офицерам «корректность, выдержку и остро отточенную шашку». Заботясь Драгомиров в свое время о поднятии офицерского авторитета, ему, пожалуй, не пришлось бы на склоне своих лет давать подобные советы...

Влияние Драгомирова было очень велико (и выходило даже за пределы русской армии). Во французской армии ревностным проповедником драгомировских идей явился генерал Кардо, составивший себе имя в военной литературе под псевдонимом «Loukiane Carlovitch, Cosaque de Kouban». Служба в штабе Киевского округа послужила «трамплином» для карьеры

многих деятелей, из коих далеко не все принесли счастье русской армии. Отсюда вышли Сухомлинов, Рузский, Юрий Данилов, Бонч-Бруевич. Преемником М.И. Драгомирова на посту начальника академии был генерал Генрих Антонович Леер – крупнейшая военно-научная величина русской армии. Это был могучий ум, мыслитель, «смотревший на дело в целом», по-румянцевски. Леер явился защитником стратегии, столь недооцененной его предшественником. Его можно считать у нас в России отцом стратегии как науки. В этой области им разработано учение о главной операционной линии, строго осуждено понятие стратегического резерва («в стратегии резерв – явление преступное»).

К сожалению, Леер был совершенно не понят и не оценен в должной мере своими современниками. Он не покорил ни одной неприятельской крепости, и его поэтому считали «кабинетным теоретиком». Между тем именно он всячески подчеркивал подчиненность теории, видел смысл науки в регулировании творчества. По его настоянию были введены полевые поездки офицеров Генерального штаба, чрезвычайно расширившие их кругозор именно в практическую сторону. Стратегический глазомер Леера и его военное чутье рельефно выступают из его записки, представленной в конце 1876 года, где он предостерегал от посылки на войну с Турцией слишком незначительных сил и по частям и настаивал на введении сразу большого количества войск – «ибо лучше иметь слишком много войск, чем слишком мало».

Эта записка генерала Леера по четкости стратегической мысли и синтезу изложения оставила далеко за собой все остальные и не была поэтому понята нашими военными бюрократами: граф Милютин счел ее «недостаточно разработанной», ибо Леер, излагая самую суть дела, пренебрег мелочами, на которые в канцеляриях как раз и обращали главное внимание. Времена Леера можно считать блестящей эпохой академии и русской военной науки вообще. Нельзя не упомянуть о редактировании Леером «Военной энциклопедии» в 8 томах, обычно именуемой «Лееровской». Она заменила устаревший «Лексикон» Зедделера (издание 1859 года) и явилась важным проводником военных знаний в толщу строевого офицерства.

Значительной фигурой был и начальник Генерального штаба генерал Обручев, с именем которого следует связать все сколько-нибудь положительные мероприятия по военной части в этот период: сооружение стратегических дорог, крепостей на западной границе и, наконец, военная конвенция с Францией. Согласно этой конвенции, в случае войны с державами Тройственного союза Франция обязывалась выставить против Германии 1 300 000 человек, Россия – 700–800 тысяч, сохраняя за собой как выбор главного операционного направления, так и свободу действий в отношении остальной вооруженной своей силы. Существенным недостатком этой конвенции было то обстоятельство, что она, обязывая Россию неременной помощью Франции на случай германского нападения, совершенно умалчивала об аналогичных обязанностях Франции на случай нападения Германии на Россию. Это едва не оказалось роковым для обеих союзниц в 1914 году.

Александр III питал большую симпатию и доверие к Обручеву, несмотря на то, что Обручев имел репутацию «отчаянного либерала». В 1863 году, состоя в чине капитана старшим адъютантом штаба 2-й гвардейской пехотной дивизии, Обручев потребовал отчисления от должности, когда дивизию двинули в Виленский округ, «не желая участвовать в братоубийственной войне». Аргументация более чем сомнительного свойства («братоубийственной войной» беспорядки 1863 года назвать нельзя), но показывающая огромную смелость характера и независимость суждений – логически он должен был бы поплатиться за это карьерой. В 1877 году великий князь Николай Николаевич Старший наотрез отказался допустить Обручева в Дунайскую армию, и он был послан на Кавказ, где оказал ценную поддержку великому князю-фельдцейхмейстеру. После падения Плевны цесаревич Александр Александрович должен был принять Западный отряд и вести его за Балканы. Цесаревич заявил, что он согласен на это лишь при условии назначения начальником его штаба Обручева. Великий князь Николай Николаевич не хотел и слышать про Обручева. Тогда цесаревич отказался от Западного отряда и предо-

ставил Гурко пожать лавры Забалканского похода – сам же остался до конца войны во главе Рушукского отряда, утратившего свое значение.

Неудачное возглавление военного ведомства генералом Ванновским парализовало, однако, творческую работу отдельных деятелей. Его тяжелый и властный обскурантизм превратил эпоху, следовавшую за Турецкой войной, в эпоху застоя – и в этом отношении Ванновского можно смело сравнить с Паскевичем. Опыт войны 1877–1878 годов совершенно не был использован и пропал даром. Он отразился лишь на мелочах.

Стратегически войну вообще нельзя было изучать. Главнокомандовавшим был августейший брат покойного государя и дядя благополучно царствовавшего императора. Разбирать объективно с кафедры его плачевное руководство, бесчисленные промахи Главной квартиры было совершенно немыслимо, так как могло бы привести к подрыву престижа династии. Абсурдный же план войны, посылка войск по частям, неиспользование уже мобилизованных резервов – все это было делом рук графа Милютина, а Милютин раз навсегда условлено было считать «благодетельным гением» русской армии. Профессору стратегии ставилась таким образом неразрешимая задача – на каждом шагу он натывался на «табу», касаться которых не смел.

Не меньшие трудности встречал и профессор общей тактики. Криденер, Зотов, Крылов, Лорис-Меликов – все это были заслуженные генерал-адъютанты, ошибки их выставлять не приличествовало.

Поэтому в исследованиях той войны «критический» метод – единственно продуктивный – был заменен методом «эпическим», описательным – механическим нанизыванием фактов и цифр, изложением событий «не мудрствуя лукаво». Фолианты официальных исследований пестрели неудобочитаемыми текстами бесконечных диспозиций по бесчисленным «отрядам», кропотливыми подсчетами стреляных гильз в каждой полуроте, но мы напрасно стали бы в них искать руководящей стратегической нити, отчетливой формулировки тактических выводов. Слушатели академии 80-х и 90-х годов – будущие начальники войсковых штабов в Маньчжурии – ничего или почти ничего не смогли почерпнуть из столь дефективно разработанного материала, и русская армия начала тяжелую войну на Дальнем Востоке, как бы не имея за собой опыта войны после Севастополя. До чего не торопились с разработкой этой войны, видно из того, что официальное описание кампаний 1877–1878 годов не было закончено в 1914 году.

Лишенная «ариадниной нити» русская военная мысль пыталась проложить себе дорогу в этом темном и запутанном лабиринте и в большинстве случаев выходила на ложный путь. Ярким был еще ореол бронзовых защитников Малахова кургана, и к этой славе прибавилась свежая слава стойких шипкинских героев. Смысл войны стали видеть в том, чтобы «отбиться», «отсиджиться», не столько наносить самим удары, сколько отражать удары неприятеля, предоставив тому инициативу. Смысл же боя полагали в непременно занятии позиции, на которой и отбиваться «до последнего патрона», предоставляя неприятелю «разбить себе лоб» об эту позицию. Пассивная стратегия влекла за собой пассивную тактику. Эти пассивные воззрения внешне не сказались особенно сильно на уставах, где чувствовалось драгомировское влияние, но они крепко вкоренились в подсознание большинства военачальников и командиров – в частности «новой формации» – во главе с Куропаткиным.

В неудаче наступательных наших действий под Плевной и турок Сулеймана у Шипки они видели убедительный довод к предпочтению оборонительно-выжидательного образа действий. Они не сознавали однако того, что в обоих этих случаях решающей была не столько сила обороны, пусть и геройской, сколько бездарная организация атаки (в частности у нас – слабость ударной части при гипертрофии «резервов» и «заслонов» и путаница «отрядной системы»). При хорошем управлении 60 таборов Сулеймана обтекли бы и потопили 6 наших шипкинских батальонов, а командуй под Плевной не Зотов, а Скобелев, Осман распрощался бы со своей саблей еще 31 августа. Всякий раз, когда русская пехота имела впереди достойных ее коман-

диров, а позади своевременную поддержку, она не знала неудавшихся атак. Все это, однако, не сознавалось. Религия – вернее ересь – «резервов» и «заслонов», вопреки стараниям Леера, вкоренилась прочно. «Отрядная система» вошла в плоть и в кровь, и мистика позиций, защищаемых на месте «до последней капли крови», завладела умами и сердцами большинства.

Другие пошли за Драгомировым, мужественные призывы которого звучали подобно трубе. Однако односторонняя и предвзятая эта доктрина вела при первой же (и неизбежной) осечке к потере веры в свои силы.

Военно-окружная система вносила разноречивую в подготовку войск. В различных округах войска были обучены по-разному, в зависимости от взглядов командующих войсками. В одном и том же округе система обучения менялась с каждым новым командующим. Если этот последний был артиллерист, то интересовался лишь своими бригадами, предоставляя пехотным и кавалерийским начальникам обучать войска как то им заблагорассудится. Назначали сапера – и начиналось увлечение «гробокопательством»: сооружение полевых укреплений, самообразование без конца при полном пренебрежении ко всему остальному на свете. Сапера сменял малиновый кант – «фортификация» немедленно же упразднялась, и все обучение сводилось к выбиванию «сверхотличного» процента попаданий на стрельбищах. Наконец появлялся представитель драгомировской школы, провозглашал, что «пуля дура, штык молодец!». И стройно идущие под барабан густые цепи начинали одерживать блистательные и сокрушительные победы над обозначенным противником.

Излюбленным видом огня была стрельба залпами – повзводно и всей ротой (впрочем, и команда «батальон, пли!» далеко не была редкостью). Залповый огонь широко применялся в кавказские и туркестанские походы, да сплошь и рядом и в минувшую Турецкую войну. Он производил неизменный эффект на храброго, но неорганизованного и сильно впечатлительного врага, и его культивировали тем охотнее, что дружный залп показывал выдержку и хорошее обучение части. Меткость подобного «декоративного» огня была, конечно, ничтожной.

По настоянию генерала Обручева стали производиться периодически (примерно через каждые два года) большие двусторонние маневры, в которых принимали участие крупные массы войск различных округов. В 1886 году у Гродны маневрировали войска Варшавского и Виленского военных округов, в 1888 году под Елисаветградом – войска Одесского и упраздняемого Харьковского, в 1890 году на Волыни – Варшавский округ против Киевского (на этих последних принимало участие до 120 000 человек и 450 орудий).

В начале 90-х годов было приступлено к перевооружению войск магазинными винтовками. Из трех представленных в 1891 году образцов была утверждена 3-линейная винтовка системы полковника Мосина. Рутинеры военного дела во главе с Драгомировым яростно восставали против технических новшеств, усматривая в технике «гибель духа». Ванновский отчасти разделял эту прискорбную софистику, но лишь в отношении артиллерии – его все-таки хватило на сознание настоятельной необходимости введения магазинок. Это важное мероприятие было осуществлено в 1893–1895 годах – сперва в пехоте, начиная с пограничных округов, затем и в коннице (получившей облегченную и укороченную винтовку «драгунского образца»). 3-линейная винтовка Мосина зарекомендовала себя блестяще. Имея прицел на 3200 шагов, она значительно превосходила простотой конструкции и баллистическими качествами ружья всех остальных европейских армий.

Вопрос же о введении скорострельной артиллерии остался открытым.

Генерал-фельдцейхмейстеру великому князю Михаилу Николаевичу не удалось победить оппозицию рутинеров. Вместе с тем клиновую пушку надо было заменить: мы начали сильно отставать от армий наших западных соседей и вероятных противников. Пришлось идти на компромисс и перевооружить артиллерию нескорострельной поршневой пушкой образца 1895 года улучшенных данных в сравнении с предыдущим легким образцом (даль-

ность выстрела – 3 версты шрапнелью и 6 верст гранатой при весе снаряда соответственно 19,5 и 17 фунтов и практической скорости стрельбы 2 выстрела в минуту). Калибр был принят однообразный – 3,42 дюйма – и упразднено деление батарей на батарейные и легкие. Таким образом, вместо коренного преобразования была предпринята частичная и притом очень дорого обошедшаяся поправка, имевшая чисто временный характер. Рано или поздно (и чем раньше, тем лучше) все равно приходилось завести скорострельную пушку – только теперь вместо одного перевооружения сразу приходилось предпринять два – с двойными расходами.

Император Николай Александрович

20 октября 1894 года не стало царя-Миротворца. Его наследнику – молодому императору Николаю II – было 26 лет. Он только что откомандовал батальоном в Преображенском полку, должен был вскоре получить генеральский чин и полк, но Волей Божией вместо полка получил всю необъятную Российскую империю.

Император Александр III не допускал разговоров о политике в семейном кругу и совершенно не посвящал в государственные дела наследника, считая его пока слишком молодым и полагая, что для этого всегда найдется время. Николаю II пришлось одновременно управлять страной и учиться ее управлению, совершать ошибки – всегда неизбежные – и самому же их выправлять. Обращаться же за советом было не к кому. Александр III нес все на своих богатырских плечах – министры были лишь послушными исполнителями его предначертаний, неспособными к самостоятельному творчеству и неспособными иметь свое мнение. В «мужи совета» они не годились. Опоры же в среде своих близких родственников государь не имел.

Великие князья были с рождения предназначены к одному лишь роду деятельности – военному делу. Многие из них чувствовали склонность к наукам, искусству, дипломатическим делам – фамильная (плохо понятая) традиция запрещала это, требуя обязательно одной военной службы. При отсутствии военного призвания у большинства великих князей служба эта обращалась в синекуру, очень часто шедшую во вред делу. Отдельные великие князья – коль скоро они имели серьезное военное призвание – принесли много пользы. Велика заслуга перед русской артиллерией ее последнего генерал-фельдцейхмейстера – великого князя Михаила Николаевича. Из его сыновей много и плодотворно потрудились над артиллерией его преемник великий князь Сергей Михайлович, брат которого великий князь Александр Михайлович – вопреки всеобщему противодействию – создал русский воздушный флот. Великий князь Николай Николаевич Младший переродил конницу, а главный начальник военно-учебных заведений – великий князь Константин Константинович – оставил по себе светлую память в десятках тысяч юных сердец. В общем же великокняжеская среда не выдвинула ни одного государственного ума, дав нескольких видных специалистов по отдельным отраслям военного дела и еще большее количество дилетантов, обладателей синекур.

Высшие сановники и та среда, из которой они стали вербоваться в последнюю четверть XIX века, были невысокого морального уровня, особенно проведенные Победоносцевым. В высшем петербургском свете ставленников Победоносцева, и особенно Витте, называли не иначе как на французском диалекте: «Les prokhvostus». В лучшем случае это были честные рутинеры, «люди 20-го числа», в худшем – были преисполнены самого беззастенчивого карьеризма. Этот последний тип, начиная с 900-х годов, сделался преобладающим.

Современники упрекали императора Николая II в безволии, двоедушии и недоверчивости. Его горячую и жертвенную любовь к России, на алтарь которой он не поколебался принести себя, свою жену и своих детей, не смеет оспаривать никто. Та твердость духа, что выказал Царь-Мученик в Екатеринбурге, отказавшись признать Брестский договор (знал, что подпись под этим актом спасет жизнь ему и семье), опровергает легенду о безволии. Столь же неоснователен и упрек в двоедушии. Он исходил от тех сановников, что оставляли государя

«вполне разделяющего их точку зрения», а по приходе домой находили на столе высочайший указ об отставке. Причиной здесь являлась застенчивость государя (унаследованная от отца) и необыкновенная его деликатность. Он не был в состоянии резко оборвать докладчика, терпеливо выжидал конца его доклада, вежливо благодарил и, оставшись наедине, принимал свое решение, иногда резко расходившееся с тем, которое ему желали навязать. Наконец, последний упрек в недоверчивости столь же мало обоснован. Недоверчивость – вообще ценное качество в правителе, и кто посмеет упрекнуть в ней монарха, записавшего в свой дневник в тяжелый для России день: «Кругом измена, трусость, обман...» Можно лишь пожалеть, что недоверчивости этой не хватило в роковой мартовский день, когда царь внял предательскому «колени-преклоненному» совету и принял гибельное решение отречься. Слабой стороной начинавшегося царствования была неопытность государя, явившаяся причиной ряда промахов, тяжело отразившихся на внешней и внутренней политике.

Вначале все оставалось, как при предыдущем царствовании, начиная с министров и кончая покроем мундиров. Государственный механизм казался налаженным на многие столетия – везде еще чувствовалась могучая рука Александра III. Международное положение России было блестящим, и московские коронационные торжества 1896 года, когда вся Европа стояла в свите молодой императорской четы, явились апофеозом российской великодержавности. Победоносцев остался, и молодой император с уважением относился к крупнейшему деятелю царствования своего отца. Но что мог посоветовать государю этот ледяной скептик, пусть и большой государственный ум?

Министерством иностранных дел заправляли заурядные дипломаты: князь Лобанов, Муравьев, Ламздорф, люди, из которых при хорошем министре иностранных дел могли бы выйти сносные посланники и резиденты на второстепенных постах, требующих большой представительности и не столь большой проницательности. Самые большие промахи были совершены именно в этой области, где Александр III не имел себе равного, но где сын его был лишен возможности ориентироваться.

Другим слабым местом были внутренние дела. 90-е и 900-е годы характеризовались ростом промышленности. Последствием этого роста промышленности явился рост фабрично-заводского пролетариата, а последствием усиления пролетариата было нарастание революционных идей. Глухое, скрытое недовольство крестьянских масс, открытое брожение рабочих, быстрое, поистине исступленное «левение» общества, из оппозиционного превращавшегося в революционное, создавали угрожающую обстановку. Неудачные мероприятия правительства, совершенно недооценивавшего серьезность положения и насущную необходимость социальных мероприятий, лишь подливали масло в огонь. Работа эмигрантских революционных центров облегчалась правительствами и общественным мнением ненавидевших Россию стран Старого и Нового Света.

Исключительное влияние получил министр финансов Витте. Это был политик авантюристической складки, чрезвычайно способный, безмерно честолюбивый и совершенно беспринципный. Витте занял этот пост еще при Александре III, весьма ценившем его финансовые способности. Управление его финансами страны следует признать блестящим – государственные доходы без особенной тяготы для населения были увеличены на целую треть. Особенной заслугой Витте следует считать введение в 1897 году винной монополии, ставшей главной доходной статьей бюджета и давшей народу доброкачественное, дешевое и полезное (если им не злоупотреблять) питье. Лицемеры стали яростно клеймить «пьяный бюджет», однако отмена монополии в 1914 году имела самые печальные последствия, вызвав массовое тайное винокурение и, как следствие, – катастрофическое падение нравственности по всей стране и небывалый рост пьянства. Столь же плачевные результаты получились в Северо-Американских Соединенных Штатах по введению закона о принудительной трезвости. «Сухой режим» там совершенно

развратил страну, создав целое сословие «гангстеров» и увеличив во много раз преступность. Эти два примера показывают всю абсурдность законодательства, идущего вразрез с природой человека и вдохновляемого только отвлеченными утопиями, зачастую к тому же фарисейского характера. К сожалению, влияние Витте скоро стало сказываться не только в области финансов, но и во внешней политике.

Русская внешняя политика, лишенная твердого руководства со смертью Александра III, сразу же попала под влияние Вильгельма II. Под этим тлетворным влиянием она уклонилась от прямого, реалистического пути, начертанного ей Александром III, и вступила на зыбкий и химерический путь непродуманных авантюр.

Вильгельм II решил обратить на пользу Германии и русскую дальневосточную политику, и самый франко-русский союз (разрушить который ему не удалось в 1893 году). План кайзера был смел и реалистичен. Всячески поощрять, более того – провоцировать русскую экспансию на Дальнем Востоке, стремиться придать ей империалистический характер, втянуть Россию в войны с Китаем, с Японией, лучше всего, конечно, с Англией. Россия будет занята этими войнами, ослаблена ими – и у Германии будут развязаны руки в Европе и на Ближнем Востоке. Германская промышленность делает сказочные успехи, германский флот – военный, коммерческий – растет не по дням, а по часам... С помощью России (Петербург должен произвести давление на Париж) Германия входит в франко-русский союз и превращает его в лигу континентальных держав под своим главенством, лигу, направленную против Англии – главной препоны германской великодержавности во всех частях света. Иными словами, Германия – Рим, хранительница мужественных добродетелей в союзе с вассальной Галлией и вассальной Скифией, сокрушает презренный Карфаген торгашей и на его развалинах строит свою мировую империю.

В Европе же – германский мир, «рах Негманиса», железный бронированный кулак, царящий с берегов нового Тибра – Шпрее над вассалами от Урала до Пиренеев... Грандиозный этот план, увы, удавшийся в первой своей части относительно России, был сорван во второй двумя великими дипломатами – Эдуардом VII и Теофилом Делькассе. 1895 год принес успех Германии по всей линии и две крупные победы – Симоносеки и Киль.

По инициативе Германии Россия вмешалась в японо-китайскую войну. Россия заставила Японию возратить Китаю плоды всех ее побед, то есть сыграла в отношении Японии совершенно ту же роль, которую Германия Бисмарка сыграла в отношении России на Берлинском конгрессе. Германия участвовала в этой дипломатической интервенции – и не без прибыли для себя, – но подвела Россию под первый огонь, отведя на Россию весь взрыв негодования и ярости сорокамиллионной японской нации.

Вторая германская победа – участие французской эскадры на торжествах открытия Кильского канала – имела огромное значение: стараниями петербургского кабинета, слепо действовавшего по указке из Берлина, идее реванша во Франции был нанесен первый удар. Откуда разочарование в России французских националистов, считавших, что союз с Россией действует разлагающе на французскую нацию и ставит ее в подчинение Германии, послушным инструментом которой является Россия (Моррас). Круги эти стояли за сближение с Англией, тогда как союз с Россией был популярен в умеренно республиканских сферах. Министр иностранных дел Бертело (известный ученый) подал в отставку, «не желая ввергать Францию в немецкое рабство». Он жаловался и негодовал на то, что в каждой ноте, получаемой им из Петербурга, содержатся требования идти навстречу всем германским пожеланиям. В 1897 году государь предпринял поездку во Францию и присутствовал на больших маневрах в Лотарингии (знаменитый смотр в Бетени). Витте настоял на посещении государем на обратном пути Германии – и за смотром в Бетени последовал бреславский парад.

Симоносекская интервенция была первым жестоким промахом внешней политики нового царствования. Вторым промахом явилась в 1897 году Гагская конференция, вызвавшая рост пацифистских настроений в русском обществе, и без того морально расслабленном. Был создан прецедент Лиге Наций и абсурдной «эпидемии пактов», разразившейся четверть столетия спустя. Александр III заслужил наименование царя-Миротворца не учреждением международных говорилен – всегда бесполезных и часто опасных, а твердым и решительным соблюдением достоинства России. Мистицизм Священного союза воскресал в форме усыпительного пацифизма. Убаюканная речами сладкопевцев – нобелевских лауреатов мира, Россия полагала себя за гагскими «бумажками», как за каменной горой. Русская политика перестала считаться с реальностями. И одиноко звучал вещий голос Макарова: «Помни войну!»

Россия о войне не помнила. Тогда война ей о себе напомнила. Мистика Священного союза дала кровь Севастополя, мистика гагского пацифизма дала кровь Порт-Артура. Одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия – за те же ошибки следует то же возмездие.

С 1895 года политика России на Дальнем Востоке резко меняет свой характер. Вместо разработки своих богатств, как то полагал император Александр III, учреждая Сибирский путь, мы позарились на чужие, нам ненужные земли. Реализм сменился авантюризмом. В 1897 году Россия приобрела у Китая в аренду Порт-Артур, объект японских мечтаний, результатом чего явился взрыв ненависти к нам в Японии. Война с Россией там стала делом решенным – и сорок миллионов японцев стали к ней готовиться, как один человек. Каменистый и мелководный порт-артурский рейд решено было сделать нашей главной базой на Тихом океане, и там намечена была сооружением крепость.

Став полновластным вершителем судеб России, Витте пошел еще дальше. Вместо того чтобы продолжать Сибирский путь вдоль Амура, как то повелел в свое время Александр III, он повел его по китайской территории через Маньчжурию. Так возникла в 1898–1900 годах Восточно-Китайская железная дорога – грандиозное культурное русское дело на Дальнем Востоке, пробудившее к жизни огромный и богатый край. На протяжении жизни одного поколения население Маньчжурии с 3 миллионов увеличилось на 30. Из ничтожной рыбацкой деревушки Харбина в несколько месяцев возник большой город, в несколько лет – главный промышленный и населенный центр края. Русское золото полилось рекой, обогащая чужую страну. Русское население Приамурского края осталось без железной дороги; дорогу зато получили китайцы, а затем, увы, японцы. Столь необходимая для русского Дальнего Востока Амурская дорога была сооружена в 1908–1911 годах.

Все это строительство стоило огромных денег. Витте поступил просто. Располагая финансами по своему усмотрению, он добывал нужные средства путем урезывания кредитов военному и морскому ведомствам. Стоимость всей авантюры возлагалась с легким сердцем на армию и флот, которым еще пришлось платить за все своей кровью...

На арендованном Ляодуне Витте решил устроить коммерческий порт – в явный ущерб Владивостоку. Искусственно был создан город Дальний, который наши офицеры не без основания стали называть Лишний. Витте смотрел на это как на вопрос своего личного престижа и не жалел затрат. Деньги на сооружение этого удивительного города Витте достал из кредитов, отпущенных на укрепление Порт-Артура. Строитель Порт-Артурской крепости инженер-полковник Величко представил смету на сооружение верков, рассчитанных на 11-дюймовый калибр. Витте приказал сократить эту смету вдвое и ограничиться укреплениями, рассчитанными на 6-дюймовые снаряды. Освободившиеся таким образом миллионы он употребил на украшение Дальнего. Артурские форты стояли недостроенными, но в Дальнем сооружалась монументальная лютеранская кирха на случай, если в открываемый порт станут заходить немецкие либо скандинавские корабли и их команда захочет помолиться. Артурская крепость осталась недостроенной, зато Дальний был оборудован по последнему слову техники и, только

что законченный, преподнесен японцам, которые и мечтать не могли о лучшей базе для действий против России, в частности против Артура. Дальний убил Порт-Артур.

Вся эта авантюра стоила России десятков тысяч жизней, целого флота, 3 миллиардов бесцельных затрат, великодержавного престижа и тяжких внутренних потрясений. Главный ее виновник сумел извлечь выгоду для себя из самого банкротства своей политики, став «графом Портсмутским» и сумев придать законную форму внутреннему врагу учреждением Государственной думы... Убежденный германофил, Витте пользовался полной поддержкой Германии в дальневосточной своей политике, как нельзя больше отвечавшей германским интересам. Вильгельм II не жалел поощрений – памятен остался сигнал, поднятый на грот-стенгге «Гогенцоллерна» при расставании монархов в Бьоркских шхерах: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана». Это было в 1902 году. Два года спустя кайзер пожал плоды искусной своей политики. Воспользовавшись русско-японской войной и безвыходным положением России, Германия продала свой нейтралитет чрезвычайно выгодной ценою, навязав России торговый договор, отдавший Россию в полную экономическую кабалу ее «неизменно дружественной» западной соседке.

В бытность свою наследником престола молодой государь получил основательную строевую подготовку, причем не только в гвардии, но и в армейской пехоте. По желанию своего державного отца он служил младшим офицером в 65-м пехотном Московском полку (первый случай постановки члена Царствующего Дома в строй армейской пехоты). Наблюдательный и чуткий цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став императором Всероссийским, обратил все свое внимание на улучшение этого быта. Первыми его распоряжениями же упорядочено производство в обер-офицерских чинах, повышены оклады и пенсии, улучшено довольствие солдат. Он отменил прохождение церемониальным маршем, бегом, по опыту зная, как оно тяжело дается войскам.

Эту свою любовь и привязанность к войскам император Николай Александрович сохранил до самой своей мученической кончины. Характерным для любви императора Николая II к войскам является избегание им официального термина «нижний чин». Государь считал его слишком сухим, казенным и всегда употреблял слова: «казак», «гусар», «стрелок» и т. д. Без глубокого волнения нельзя читать строки тобольского дневника темных дней проклятого года:

«27 ноября. Праздник нижегородцев. Где они и что с ними?..

6 декабря. Мои именины... В 12 часов был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка, бывшие в саду, бывшие в карауле, все поздравляли меня, а я их с полковым праздником...

24 декабря. Во время чая пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами...»

Эти последние месяцы земной своей жизни Царь-Мученик был душою с погибавшей без него армией.

В военном отношении начало царствования императора Николая II явилось продолжением эпохи Александра III.

Совершенствовались отдельные мелочи на фоне общего застоя и рутины. В конце 1897 года Ванновского и Обручева сменили: генерал Куропаткин на посту военного министра и генерал Сахаров на посту начальника Генерального штаба.

Алексей Николаевич Куропаткин был человек большого ума и всесторонней образованности. Он пользовался отличной боевой репутацией и обладал выдающимися административными способностями. Это был подходящий кандидат на высшую административную должность. Новый начальник Генерального штаба генерал Сахаров был заурядным деятелем бюрократической складки.

Вступив в отправление своих обязанностей в первый день 1898 года, генерал Куропаткин натолкнулся прежде всего на чрезвычайные затруднения, чинимые военному ведомству мини-

стром финансов, совершенно не считавшимся с нуждами армии. По принятой тогда системе кредиты испрашивались на пять лет вперед. Из 455 миллионов рублей чрезвычайных кредитов на пятилетие 1899–1903 годов (последняя смета, составленная генералом Ванновским) министерством финансов было отпущено всего 160 миллионов – третья часть.

Деятельность генерала Куропаткина направлялась прежде всего к улучшению условий быта и службы строевого офицерства: устройству собраний, библиотек, заемных капиталов, открытию кадетских корпусов в крупных военных центрах. Мероприятия эти поглотили свыше половины отпущенных средств. Установлен предельный возраст 50 лет для капитанов, 58 – для подполковников, 60 – для полковников.

В течение 1898 года из резервных бригад сформированы 42-я – 45-я пехотные дивизии, а на Дальнем Востоке с приобретением Порт-Артура образована 3-я Сибирская стрелковая бригада. Восстановлен II Кавказский корпус, и образованы армейские – XX в Виленском и XXI в Киевском округе. Финляндский военный округ упразднен и присоединен к Санкт-Петербургскому. Все финские национальные войска намечены к расформированию. К имевшейся Финляндской (русской) стрелковой бригаде были добавлены 2-я и 3-я, и все вместе составили XXII армейский корпус. На Кавказе образована 2-я Кавказская стрелковая бригада. Из Иркутского военного округа образованы Сибирский и Омский.

Китайская война 1900 года вызвала усиленное формирование войск в Приамурском округе. Там были развернуты 4-я, 5-я и 6-я Сибирские стрелковые бригады и образованы I и II Сибирские армейские корпуса. В том же 1900 году Туркестанские линейные батальоны развернуты в 2-батальонные стрелковые полки. Было образовано 5 Туркестанских стрелковых бригад, составивших I и II Туркестанские армейские корпуса.

В 1901 году окружные юнкерские училища с годичным курсом были преобразованы в военные училища с двухлетним курсом, выпускавшие уже не подпрапорщиков, а подпоручиков. Этой важной реформой Куропаткин способствовал поднятию общего уровня офицерского корпуса, его большей однородности и пытался устранить разницу между «белой костью» и «черной».

Система больших маневров не оставлялась. В 1897 году они происходили под Нарвой в присутствии Вильгельма II, в 1898 году в районе Белостока, между войсками Варшавского и Виленского округов. Главнокомандовавший гвардией и Санкт-Петербургским округом великий князь Владимир Александрович принял темой Нарвских маневров нанесение поражения наступающей на Петербург с запада неприятельской армии. Однако придворные круги из угождения Вильгельму II настояли на отмене этой темы, рисковавшей не понравиться августейшему посетителю – и все свелось к банальщине. Любитель театральных жестов, кайзер захотел лично командовать своим Выборгским полком, причем командовал донельзя неудачно. Наконец в 1902 году произошли в высочайшем присутствии знаменитые Курские маневры между Киевским и Московским. Эти последние маневры создали Куропаткину репутацию полководца. Все действия Куропаткина – командующего Киевской армией – не выходили из обычного трафарета. Волей-неволей ему пришлось победить Московскую армию, командующий которой великий князь Сергей Александрович совершенно не справился со своей задачей. По плану войны генерал Куропаткин должен был командовать Юго-Западным (австрийским) фронтом, а великий князь Сергей Александрович – Люблинской (тогда 3-й) армией этого фронта.

Опыт всех этих маневров ценности не представлял и не шел на пользу ни военачальникам, ни войскам. Начальникам прививались рутинерские взгляды и «отрядные навыки», войска расходовали силы по большей части зря. Обе стороны всегда бывали одинаковой силы, составлялись по одинаковому шаблону и в той же пропорции родов оружия. При среднем уровне начальников это вело к отсутствию оригинальности – стратегическим и тактическим «общим местам», трафаретной постановке задач, шаблонному их выполнению. Посредники

вели тщательный и кропотливый подсчет батальонам – и та сторона, что успевала сосредоточить в данный момент и в данном пункте на один или два батальона больше, неизменно объявлялась победившей. Начальники проникались убеждением, что на войне все решает количество, управление войсками сводится к арифметике, а вывод этой арифметики неизменен: «с превосходными силами в бой отнюдь не вступать».

Войска действовали так, как будто в недавнем еще прошлом у них не было тяжелого опыта трех Плевен. Начальники, казалось, соревновались в том, кто из них в кратчайший срок дезорганизует свою дивизию или корпус, нарезав сколь можно большее число «отрядов трех родов оружия». Резервы подводились к самой линии огня зачастую на 200 шагов в батальонных колоннах. Последние дни маневров (как раз самые поучительные) обычно комкались, особенно когда на них присутствовал государь. Все помыслы участников, от генерала до рядового, сводились к одному – как бы не осрамиться на царском смотре, и силы войск сберегались не для нанесения заключительного решающего удара, а для отчетливого прохождения церемониальным маршем.

Огромный вред войскам в период от Турецкой до Японской войны принесла так называемая «хозяйственность». Скудные отпуска кредитов военному ведомству, которому приходилось торговаться с министром финансов из-за каждого рубля, привели к тому, что у Российской империи не находилось средств на содержание своей армии. Войска были вынуждены сами себя содержать. Перевооружение войск магазинными ружьями в 90-х годах, двукратное перевооружение артиллерией в 90-х и начале 900-х требовали больших расходов. Приходилось строить помещения, амуницию, одевать и довольствовать войска хозяйственным способом, «без расходов от казны».

Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов – некому было посещать тактические занятия. Вся служба – в частности ротных командиров – стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, поверках разных отчетностей, отписке бесчисленных бумаг и бумажек... На милютинском канцелярском бумагопроизводстве привилась куропаткинская хозяйственность. Система «без расходов от казны» была заведена еще при Ванновском. Куропаткин – сам ревностный и убежденный «хозяйственник» – развил ее, доведя до геркулесовых столпов.

В русской армии конца XIX века «хозяйственность» заняла то место, которое в первую половину столетия занимал «фронт» – шагистика. Она проникала всю армию сверху донизу. Во времена Аракчеева и Паскевича начальство умилялось «малиновым звоном» ружейных приемов, во времена Ванновского и Куропаткина – доброкачественностью сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, командир полка, у которого кашу варили пятнадцать различными способами, аттестовывался «выдающимся». Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть.

Для проверки строевой части существовали инспекторские смотры. Взгляды и вкусы начальства бывали известны, равно как и дата приезда, в крайнем случае, отличное состояние нестроевой части должно было загладить впечатление от возможных строевых недочетов. Наконец испытанием тактической подготовки войск должны были служить большие маневры. Они же всегда «слава Богу, благополучно» сходили.

Из всего этого отнюдь не следует бросать упрек в «очковитирательстве» строевому русскому офицерству того времени. Все это были люди чести, преданные своему долгу. В тех ненормальных условиях просто нельзя было иначе служить. Нельзя было требовать от войсковой части «самоокупаемости», заставлять ее работать на самое себя, отвлекать людей на

работы, ничего общего с военным делом не имеющие, и требовать в то же время совершенства в этом последнем.

В нормальных условиях молодой солдат находился лишь первые четыре месяца своей службы, когда обучался собственно военному делу. По истечении этого, установленного законом, времени всевидящее фельдфебельское око намечало в строю молодых солдат будущих сапожников, портных, слесарей. Не попавшие в эти ремесленные цехи проходили главным образом караульную службу.

На всю Российскую империю было всего 10 000 жандармов. В республиканской Франции, уступавшей России населением в четыре раза, было 36 000 жандармов (не считая колоний). Они были облечены такой властью, которая никогда и не снилась нашей полиции. Передовая интеллигенция ненавидела «синие мундиры» и мечтала о «великих достижениях» западных демократий, которые она себе представляла без полиции. Министерство финансов всячески урезывало кредиты Департаменту полиции – из той же похвальной экономии, что и военному ведомству. При совершенно недостаточном количестве городских и стражников войскам приходилось нести тяжелую полицейскую службу. Например, во Владивостоке до 1910 года обязанности городских (на заведение которых не давалось средств) исполняли чины Сибирских стрелковых полков гарнизона. От воинских частей требовались все в большем количестве дозоры, конвои, караулы. При малейших беспорядках сил полиции всегда оказывалось недостаточно и приходилось вызывать воинские части. Принимая во внимание слабую их численность (роты в 48 рядов), нередко создавалось положение, при котором треть всего состава несла караульную службу, треть отдыхала, а треть была занята хозяйственными работами. В результате – полезный срок службы солдата вместо 4 лет, как правило, был 4 месяца.

Еще в самом начале царствования – в 1895 году – была восстановлена должность генерал-инспектора конницы и на нее назначен великий князь Николай Николаевич Младший.

В результате неудачных реформ 1882 года и абсурдного увлечения американской едущей пехотой наша конница чрезвычайно понизилась качеством. Славным ее традициям был нанесен жестокий удар, ей прививались чужие и чуждые ей взгляды, и потомки богатырей Шенграбена и Фер-Шампенуаза, недавние герои Бегли-Ахмета, Аравартана и Адрианополя были низведены до уровня каких-то «рейдеров» американской междоусобицы.

Великий князь Николай Николаевич – кавалерист Божией милостью – принял за перевоспитание конницы с замечательной энергией. Перевоспитание это он начал с того, что научил ее езде, поборол робость перед широкими аллеями и пересеченной местностью.

Была введена новая школа верховой езды (метода Филлиса), а в Поставах (Виленский военный округ) открыта Офицерская кавалерийская школа для подготовки кандидатов в эскадронные командиры. Конница была научена пользованию конем, ее офицерству привит спортивный дух устройством состязаний и парфферсных охот. За десять лет – 1895–1905 годы – русская конница была вновь поставлена на то свое старое и славное место, откуда была сведена рутинерами эпохи военных поселений и неудачным новаторством доморощенных «американцев». Ее генерал-инспектор мог оглянуться на это свое дело с чувством полного удовлетворения и справедливой гордости. Впоследствии, однако, великий князь не был в состоянии действовать мечом, который он сам выковал. Став Верховным главнокомандующим и получив в свое распоряжение 30 дивизий лучшей в мире кавалерии, он совершенно не сумел дать им стратегическое применение.

Нелюбимый сын великого князя Николая Николаевича Старшего, он держался особняком в Императорской Фамилии, где пользовался общей неприязнью. Великий князь не привлекал к себе сердец своих подчиненных. Человек необыкновенно грубый и чуждый благородства, он совершенно не считался с воинской этикой и позволял себе самые дикие выходки в отношении подчиненных ему офицеров.

В конце 90-х годов было сформировано 3 отдельных кавалерийских бригады и 2 отдельных драгунских полка в Финляндии и на Дальнем Востоке.

В конце 1894 года права гвардии были пожалованы Кексгольмскому и Санкт-Петербургскому гренадерским полкам. В 1903 году упразднены финские стрелковые батальоны, а в 1905 году и лейб-гвардии 3-й Финский батальон. Взамен этого последнего в состав Гвардейской стрелковой бригады был включен лейб-гвардии Резервный полк, наименованный стрелковым (а с 1910 года – лейб-гвардии Стрелковый Его Величества).

Артиллерии, которой продолжал еще заведовать ее последний генерал-фельдцейхмейстер, удалось преодолеть сопротивление рутинеров и начать перевооружение 3-дюймо-вой скорострельной пушкой образца 1900 года, причем был принят единственный вид патрона – шрапнель. Граната оставлена лишь для 6-дюймовых мортир. Перевооружение было спешно начато в том же 1900 году, когда Путиловским заводом было выпущено 1500 орудий, но затем приостановлено вследствие некоторых выяснившихся дефектов. Изъяны эти удалось устранить в пушке образца 1902 года (слегка видоизмененный образец предыдущей), которой и было произведено в 1903–1904 годах окончательное перевооружение, начиная с пограничных округов. Пушка образца 1900 года с буферным накатником оказалась впоследствии превосходным зенитным орудием. Еще с 1897 года при стрелковых бригадах, до той поры лишенных артиллерии, были образованы стрелковые артиллерийские дивизионы.

В 1902–1903 годах, в предвидении осложнений на Дальнем Востоке, численный состав Заамурского округа пограничной стражи был с 16 000 человек доведен до 24 000. Тогда же сформированы 7-я и 8-я Сибирские стрелковые бригады, и в конце 1903 года в Порт-Артуре образован III Сибирский армейский корпус.

Генерал Куропаткин, предпринявший в 1903 году поездку на Дальний Восток и присутствовавший на маневрах японской армии, был убежден в невозможности серьезных осложнений, тем более войны с Японией (Министерство иностранных дел поддерживало его в этом убеждении). Поэтому в чрезвычайных кредитах, испрошенных им на пятилетие 1904–1909 годов, из общей суммы 160 миллионов рублей Дальнему Востоку уделялось всего 7 миллионов.

ЧАСТИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ АЛЕКСАНДРОМ III:

18-й, 19-й и 20-й Туркестанские стрелковые полки (1882 г.);
203-й пехотный Потийский полк и 205-й пехотный Шемахинский полк (1889 г.);
202-й пехотный Горийский, 204-й пехотный Ардагано-Михайловский полки (1890 г.);
207-й пехотный Новобаязетский, 208-й пехотный Лорийский полки (1890 г.);
201-й пехотный Сухумский полк (1892 г.);
5-й, 6-й, 7-й и 8-й Кавказские стрелковые (с 1887 г. стрелковые туземные дружины, с 1893 г. – Кавказские стрелковые);
6-й, 7-й и 8-й Сибирские стрелковые полки (с 1893 г.);
15-й уланский Татарский полк (с 1891 г. – 46-й драгунский);
15-й гусарский Украинский полк (с 1891 г. – 47-й драгунский); саперные батальоны – 12-й и 13-й (1883 г.), 14-й, 15-й, 16-й и 17-й (1889 г.);
18-й саперный батальон (1894 г.);
Донской кадетский корпус (1883 г.).

ПОЛКИ, ОСНОВАННЫЕ ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II (ДО МИРОВОЙ ВОЙНЫ):

196-й пехотный Инсарский полк (1896 г.);
Финляндские стрелковые: 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й и 12-й (1898 г.);
Сибирские стрелковые: 9-й, 10-й, 11-й и 12-й (1898 г.);

Сибирские стрелковые: 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й и 24-й (1900 г.);

Сибирские стрелковые: 25-й, 26-й, 27-й, 28-й, 29-й, 30-й, 31-й и 32-й (1903 г.);

Сибирские стрелковые: 33-й, 34-й, 35-й и 36-й (1904 г.);

Сибирские стрелковые: 37-й, 38-й, 39-й и 40-й (1905 г.);

Туркестанские стрелковые: 21-й и 22-й (1906 г.);

Заамурские пехотные пограничные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й и 6-й (1909 г.);

Сибирские стрелковые: 41-й, 42-й, 43-й и 44-й (1910 г.);

Финляндские стрелковые: 13-й, 14-й, 15-й и 16-й (1914 г.);

19-й драгунский Архангелогородский и 16-й Иркутский гусарский полки (1895 г. – соответственно 49-й и 50-й драгунские);

17-й гусарский Черниговский и 18-й гусарский Нежинский полки (1896 г. – соответственно 51-й и 52-й драгунские);

Приморский драгунский полк (1896 г. – драгунский дивизион, с 1898 г. – полк);

16-й уланский Новоархангельский и 17-й уланский Новомиргородский полки (1897 г. – соответственно 53-й и 54-й драгунские);

20-й драгунский Финляндский полк (1901 г. – 55-й драгунский);

Крымский конный полк (1903 г. – Крымский конный дивизион, с 1909 г. – полк);

Заамурские конные пограничные: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й и 5-й (1909 г.);

лейб-гвардии стрелковая артиллерийская бригада, 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 5-я стрелковые артиллерийские бригады (1897 г.);

1-я Финляндская, 1-я и 2-я Кавказские стрелковые артиллерийские бригады (1897 г.);

42-я, 43-я, 44-я, 45-я артиллерийские бригады, 2-я и 3-я Финляндские артиллерийские бригады (1898 г.);

3-я Сибирская артиллерийская бригада (1898 г. – Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский дивизион, с 1904 г. – бригада);

4-я, 5-я, 6-я Сибирские артиллерийские бригады, 4-я и 5-я Туркестанские стрелковые артиллерийские бригады (1900 г.);

7-я, 8-я и 9-я Сибирские артиллерийские бригады (1904 г.);

10-я Сибирская артиллерийская бригада (1905 г.) и 6-я Туркестанская артиллерийская бригада (1906 г.);

46-я, 47-я, 48-я, 49-я, 50-я, 51-я, 52-я артиллерийские бригады и 11-я Сибирская артиллерийская бригада (1910 г.); лейб-гвардии мортирный дивизион, Гренадерский мортирный дивизион (1910 г.);

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й, 10-й, 11-й, 12-й, 13-й, 14-й, 15-й, 16-й, 17-й, 18-й, 19-й, 20-й, 21-й, 22-й, 23-й, 24-й и 25-й мортирные дивизионы (1910 г.);

1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й Сибирские, 1-й, 2-й, 3-й Кавказские и 1-й Туркестанский мортирные дивизионы (1910 г.);

1-я и 2-я конногорные батареи (1911 г.);

21-й саперный батальон (1898 г.), 2-й Сибирский саперный батальон (1900 г.), 22-й саперный батальон (1901 г.);

3-й, 4-й и 5-й Сибирские саперные батальоны (1904 г.);

1-й, 2-й, 3-й, 4-й Заамурские железнодорожные батальоны (1909 г.);

23-й, 24-й, 25-й саперные батальоны и Кавказский саперный батальон (1910 г.);

Кадетские корпуса: Варшавский, Суворовский, Одесский, Сумской, Владикавказский, Хабаровский (1900 г.), Ташкентский (1904 г.), Иркутский (1913 г.) и Сергиевское артиллерийское училище (1913 г.).

Китайская война

Неудачные войны с Францией (1882–1885 годов) и Японией, сопровождавшиеся потерей территорий и повлекшие за собой глубокое проникновение в Китай иностранных интересов, пробудили в правящих китайских слоях ненависть к «иноземным дьяволам». Душой этого движения явились спортивные организации «Больших кулаков», то есть боксеров, откуда и его имя Боксерское.

Особенную ненависть китайцы питали к России, занявшей (и, по-видимому, навсегда) Порт-Артур и соорудившей в Маньчжурии железные дороги.

Брожение нарастало весь 1899 год, и в мае 1900 года вспыхнуло восстание, охватившее весь Северный Китай и Маньчжурию. К восставшим примкнули войска – и разъяренное полчище осадило иностранный квартал Пекина, где здания посольств и миссий превратились в импровизированные форты.

Получив известие о критическом положении посольств, командовавший международной эскадрой в Печилийском заливе британский адмирал Сеймур двинулся во главе сборного отряда в 2000 человек из Таку через Тяньцзин на Пекин. Однако он переоценил свои силы, и отряд его, пройдя Тяньцзин, был окружен 30-тысячной отлично вооруженной армией. Из этого критического положения десант Сеймура был выручен 28 мая 12-м Восточно-Сибирским стрелковым полком полковника Анисимова, высаженным в Печилийский район из Порт-Артура по распоряжению адмирала Алексеева. Сеймур и Анисимов отступили в Тяньцзин, были здесь снова блокированы и освобождены уже 14 июня подошедшим 9-м Восточно-Сибирским полком с командиром 3-й Сибирской стрелковой бригады генералом Стесселем. Анисимов и Стессель атаковали китайцев с двух сторон (с фронта и в тыл). Взято 6 орудий.

Тем временем заместивший Сеймура русский адмирал Гильтебрант решил овладеть сильной китайской крепостью Таку, запиравшей устье реки Пейхо. Совместными усилиями сухопутных войск и флота это блестяще было выполнено, и 3 июня Таку был взят. Таку был занят гарнизоном в 3500 человек при 177 орудиях. Главную роль при его взятии играли на суше и на море русские – канонерские лодки «Гиляк» и «Бобр» и сводная рота 12-го Сибирского полка поручика Станкевича, первая ворвавшаяся в форт.

24 июня в командование войсками у Тяньцзина (8000 человек, главным образом русских, и 18 орудий) вступил адмирал Алексеев. Он сразу предпринял операцию широкого масштаба и в сражении 1 июля наголову разбил 30-тысячную китайскую армию. Район Тяньцзина представлял целую систему арсеналов и укреплений. У китайцев убито свыше 3000, у союзников около 600. Все 46 неприятельских орудий взяты русскими, причем наша потеря – всего 7 офицеров и 161 нижний чин.

В первой половине июля в Китай прибыли большие подкрепления из Европы, Америки и Японии. Международная армия возросла до 35 000 человек при 106 орудиях, ее ядро составили русские – 7000 сибирских стрелков (2-я и 3-я бригады) с 22 орудиями. Начальствование над всей армией 19 июля принял генерал Линевич. В ночь на 23 июля Линевич двинулся на Пекин во главе 15-тысячного корпуса. 23-го числа он с боем форсировал реку Пейхо у Бей-Цзяна, разбил вновь было собравшуюся китайскую армию и открыл себе дорогу к Пекину. 31 июля войска Линевича стояли под стенами китайской столицы, и на рассвете 1 августа на этих стенах уже победно развевались знамена сибирских стрелков. При Бей-Цзяне сибиряками взято 13 орудий. На штурме Пекина мы лишились 1 генерала, 5 офицеров, 122 нижних чинов.

Восстанию был нанесен решительный удар. Дальнейшая работа свелась к искоренению партизанщины; 6 сентября генерал Штакельберг занял Бейтан, 9-го конный отряд полковника

Флуга с налета взял Лутай, а 18 сентября генерал Церпицкий овладел Шанхай-Гуаном на границе с Маньчжурией.

12 сентября в Тяньцзинь прибыл прусский фельдмаршал граф Вальдерзее, назначенный по настоянию Вильгельма II «главнокомандующим международной армией». Но это немецкое светило запоздало – новоявленный Готфрид Бульонский не поспел на штурм Иерусалима. Все лавры были уже без остатка пожаты русскими! 1 января 1901 года русские войска покинули усмиренный ими Печилийский край. К сентябрю в Печилийской области находилось до 66 000 международных войск (13 200 русских, 21 000 японцев, 8400 англичан, 8200 германцев, 6800 французов, 5600 американцев, 2500 итальянцев и 500 австрийцев). Германские отряды своими зверствами над мирным населением далеко превзошли «боксеров». К чести всех остальных войск следует добавить, что никто из них в этих разбойничьих экспедициях не участвовал.

Операции в Маньчжурии

Здесь восстание сказалось с особенной силой. Скопища китайских войск (татарские – «восьми знамен» и территориальные – «зеленого знамени») совместно с «Большими кулаками» и хунхузами обрушились на русские посты и поселки по строившейся Восточно-Китайской железной дороге, и к середине июня вся дорога была в их руках, а переполненный беженцами Харбин был осажден.

До 9000 китайцев, собравшихся в Сахалине, на правом берегу Амура, бомбардировали почти что беззащитный Благовещенск.

У нас в Приамурском округе (от Байкала до Тихого океана) и на Квантуне было 56 000 войск со 164 орудиями. Часть их была отправлена в Печилийский край, остальные надо было еще мобилизовать, а то и вообще сформировать. Высочайше было поведено двинуть в Маньчжурию все 5 армейских стрелковых бригад Европейской России. Прибыли в Маньчжурию лишь 3-я, 4-я и 5-я. Одновременно в Приамурском округе сформировались 4-я, 5-я и 6-я сибирские стрелковые бригады. К активным операциям – наступлению в бурлящую Маньчжурию со всех четырех сторон – мы смогли приступить лишь в июле. Был организован ряд отрядов.

На севере Маньчжурии выручать Благовещенск двинуты отряды полковника Сервианова и полковника Ренненкампа из Сретенска. Одновременно из Хабаровска на выручку Харбина отправлен генерал Сахаров с 4000 человек и 26 орудиями. Все упомянутые отряды шли на судах по Амуру – нашей главной артерии сообщения.

Отряд генерала Сахарова, пойдя по Сунгари, деблокировал Харбин 21 июля, пройдя с боем 663 версты в 18 дней. 11 июля при Баян-Туне взято с боя 10 орудий. 15 июля было разгромлено 4000 китайцев у Сянь-Синя. Стрелки атаковали эту крепость по грудь в воде, захватив 22 орудия.

Сервианов и Ренненкампа, соединившись и переправившись через Амур, разгромили 22 июля при Айгуне угрожавшее Благовещенску полчище. Ренненкампа с отрядом в 600 пашек бросился его преследовать на Мергень, приказав своему отряду «гнать противника так, чтобы весть об Айгунском побоище дошла к Мергеню вместе с казаками». Однако 24-го слабый его отряд был остановлен у Малого Хингана, сильно укрепленного и прочно занятого китайцами горного хребта. Отряд Ренненкампа был доведен до 5000 человек при 20 орудиях и назван по своему объекту Цицикарским. 28 июля он атаковал Малый Хинган, но не имел успеха, но 2 августа Ренненкампа одержал здесь полную победу, 4-го взял Мергень и уже 15-го был в Цицикаре, пройдя 400 верст в 3 недели.

Усмирение Западной Маньчжурии было возложено на сформированный в Забайкалье отряд полковника Орлова (5000 человек, главным образом казаков, и 6 орудий). Отряд этот

перешел границу 13 июля, занял 21-го Хайлар, овладел 10 августа двойным охватом позицией Большого Хингана и соединился в Цицикаре с Ренненкампом.

На востоке, со стороны Приморья, было образовано два отряда. Один – генерала Чичагова (1500 человек, 6 орудий) – предназначался для движения от Никольска на Нин-гуту, другой – генерала Айгустова (5000 и 12 орудий) – собирался в Новокиевске. Никольский отряд, оказавшийся слишком слабым, был присоединен к Новокиевскому, и этот последний 15 июля овладел китайской крепостью Хунчун. 15 августа генерал Айгустов выступил на Нингуту и 16-го взял ее неожиданным налетом.

К 20 августа Восточно-Китайская железная дорога была в наших руках, и адмирал Алексеев предписал всем действовавшим здесь отрядам (15 000 шашек и штыков и 64 орудия) двинуться на Гири (где он предполагал значительные силы противника) и составить там II Сибирский корпус генерала Каульбарса.

Однако отважный Ренненкампф выполнил всю эту операцию сам с отрядом всего в 1000 шашек и 6 орудий. 24 августа он выступил из Цицикара, 29-го занял Бодунэ, а 10 сентября овладел Гирином, пройдя за сутки 120 верст, разогнав китайцев и взяв в плен 2000 последних мятежников. Предположенная операция после этого блестящего рейда становилась бесцельной.

В Южной Маньчжурии отошедшие к Дашичао пограничники полковника Хорунженкова заняли 12 июля Сан-Ю-Чен, а 18-го – Гайчжоу, соединившись здесь с отрядом полковника Домбровского. Принявший здесь командование генерал Флейшер взял 31 июля Хайчен, но дальнейшее наше продвижение на север было остановлено распоряжением из Петербурга. В Гайчжоу нами захвачено 12 орудий.

В половине августа Южно-Маньчжурский отряд, доведенный до 9000 бойцов при 40 орудиях, принял генерал Субботич. 11 сентября он двинулся тремя колоннами – слева генерал Флейшер, в центре генерал Артамонов, справа полковник Мищенко. Китайские силы расположились в двух группах: 6000 у Нью-Чжуанга и 16 000 у Айсяндзая. 11-го же энергичный генерал Флейшер разбил первый отряд и овладел Нью-Чжуангом. На следующий день, 12-го, китайцы бежали с айсяндзанской позиции. 15 сентября генерал Субботич разгромил и рассеял одной лишь артиллерией китайские скопища у Ляояна и 17-го без боя занял Мукден. Вся Маньчжурия была усмирена к 20-м числам сентября, и этим закончилась Китайская кампания.

Экспедиция 1900 года никаких политических выгод нам не доставила. Мы получили назад нашу железную дорогу в совершенно разгромленном виде и не воспользовались слабостью китайского государства, проявив совершенно исключительную умеренность.

Военные действия носили характер партизанских операций в большом масштабе. В Печилийском районе они имели более упорный характер, чем в Маньчжурии, где зачастую походили на действия с обозначенным противником. Качество китайских войск было чрезвычайно низкое, несмотря на их хорошее вооружение. Сколько-нибудь ценных тактических выводов эта кампания не дала. Значение ее было чисто моральным.

Печилийскую операцию, закончившуюся занятием Пекина, провели русские начальники и русские войска. На почетном месте во главе войск восьми держав шли русские флотские роты и батальоны сибирских стрелков. Это они разгромили китайскую армию у Тяньцзина, выручили Сеймура, штурмовали Таку, взяли Пекин. Участие остальных иностранных войск – за исключением разве японцев – было чисто «декоративным». Роль же германца «генералиссимуса» Вальдерзее, прибывшего уже по усмирении Китая Алексеевым и Линевицем, была просто смешной.

Цицикарский поход и набег на Гири создали громкую репутацию генералу Ренненкампу – репутацию, оказавшуюся впоследствии, к сожалению, сильно преувеличенной.

Выдвинулся Стессель и старый кавказец, герой Карса Лине-вич. Особенный же авторитет в Петербурге приобрел адмирал Алексеев.

Китайские походы 1900 года явились боевым крещением Амурских, Забайкальских и новоучрежденных Восточно-Сибирских стрелковых полков. Личный состав их оказался превосходным, получив закалку в долголетней многотрудной пограничной службе на этой беспокойной окраине. Служба эта выработала в наших дальневосточных войсках качества, аналогичные создавшимся в кавказских и туркестанских, природные свойства русского воина, не стесненного чужеземными лжеучениями: способность принимать быстро решения, частный почин, боевую сноровку. И молодым сибирским полкам пришлось применить эти свои качества в другой, гораздо более серьезной, тяжелой войне.

БОЕВЫЕ ОТЛИЧИЯ ЗА КИТАЙСКУЮ ВОЙНУ ПОЛУЧИЛИ СЛЕДУЮЩИЕ ЧАСТИ:

- 14-й и 15-й стрелковые полки – знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- 16-й стрелковый полк – георгиевский рожок за отличие в 1900 г. Сибирские стрелковые полки:
  - 1-й Его Величества – знаки на шапки за Старый Нью-Чжуанг;
  - 2-й – георгиевские рожки за взятие Пекина;
  - 3-й, 4-й и 5-й – знаки на шапки за отличие в 1900 г., 6-й – знаки на шапки за Бейтан,
- 7-й – знаки на шапки за Бейтан;
- 9-й – георгиевское знамя за взятие восточного арсенала у Тяньцзина;
- 10-й – георгиевское знамя за взятие Пекина;
- 11-й – знаки на шапки за Дашичао в 1900 г.;
- 12-й – георгиевское знамя за Тяньцзин;
- 13-й и 14-й – знаки на шапки за отличие в 1900 г., 15-й и 16-й – знаки на шапки за взятие Хунчуна, 17-й и 18-й – знаки на шапки за Сунгарийский поход;
- 20-й – знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- 21-й – знаки на шапки за оборону Благовещенска;
- 22-й – знаки на шапки за Сунгарийский поход;
- 4-й и 6-й Забайкальские казачьи батальоны – знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- Приморский драгунский полк – знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
- Амурский казачий полк – георгиевские трубы за Хинган.
- Забайкальские казачьи полки:
  - 1-й Верхнеудинский – георгиевские трубы за Тяньцзин и Пекин, знаки на шапки за отличие в 1900 г.;
  - 3-й Верхнеудинский – знаки на шапки за отличие в Северной Маньчжурии;
  - 1-й Читинский – знаки на шапки за Бейтан и Пекин;
  - 1-й Нерчинский – георгиевские трубы за Хинган и Цицикар;
  - 1-й Аргунский – георгиевские трубы и знаки на шапки за отличие в Северной Маньчжурии; лейб-гвардии Стрелковый артиллерийский дивизион – знаки на шапки за отличие в 1900–1901 гг.;
- 1-я Сибирская артиллерийская бригада – знаки на шапки за взятие Хунчуна и отличие в 1900–1901 гг.;
- 2-я Сибирская артиллерийская бригада – знаки на шапки за оборону Благовещенска и отличие в 1900–1901 гг.;
- 3-я Сибирская артиллерийская бригада – георгиевские трубы за Тяньцзин и Пекин и за отличие в 1900 г.;
- 4-я Сибирская артиллерийская бригада – знаки на шапки за Хинган и отличие в 1900 г.;
- 2-я Забайкальская казачья батарея – знаки на шапки за отличие в 1900 г.

Глава 2

Война с Японией 1904–1905 годов и первая смута

Вмешательство России в японо-китайскую войну, когда мы в 1895 году одним росчерком пера лишили Японию всех плодов ее победы, пробудило ненависть к России в сердце каждого японца. Когда же три года спустя – в 1898 году – Россия приобрела Ляодун с Порт-Артуром, скрытая эта ненависть превратилась в открытую ярость. Сознание, что Россия не только лишила Японию ее завоеваний, но еще и присвоила их себе, было нестерпимо для национального самолюбия. Государственные расчеты, требовавшие обоснования преобразованной империи на Азиатском материке, шли об руку с уязвленным самолюбием всей нации. От императора Мутсухито до последнего рикши все поняли, что вопрос этот может быть решен лишь силой оружия. И вся страна без лишних слов принялась за лихорадочную работу. Руководители ее внешней политики во главе с «японским Бисмарком» маркизом Ито не задавались целью, подобно русским, облагодетельствовать вселенную пацифистскими утопиями. Они соблюдали интересы только своей родной страны, и соблюдали их замечательно, используя к своей наибольшей выгоде международную обстановку, заключив союз с Англией (в 1902 году) и заручившись моральной и экономической поддержкой Соединенных Штатов. Во враждебном отношении Америки большую роль играли еврейские плутократические круги (вспомним только знаменитый банк «Кун, Леб и К°», финансировавший русское революционное движение). Американское общественное мнение было особенно восстановлено так называемым «кишиневским погромом» 1903 года, в действительности никогда не имевшим места и целиком вымышленным враждебными России телеграфными агентствами.

В период 1898–1903 годов был создан однородный и высококачественный броненосный флот, армия перевооружена отличной винтовкой образца 30-го года Мейдзи (1898 год), организованы и обучены значительные резервы, совершенно ускользнувшие от внимания русских наблюдателей. Полевая армия была доведена до 190 000 штыков и сабель при 484 орудиях (13 сильных пехотных дивизий и 3 кавалерийские бригады). При мобилизации выставлялось еще 13 сильных резервных бригад и многочисленные маршевые формирования. Мобилизованная армия должна была насчитывать 520 000 бойцов – молодых, отлично обученных, одушевленных фанатическим патриотизмом. Артиллерию составило 1032 скорострельных орудия (свыше трети горных). Значительная часть как офицеров, так и нижних чинов запаса имели недавний боевой опыт. Войска отлично знали театр предстоящих военных действий – Корею, Маньчжурию и Ляодун, где сражались в 1894 году и который тщательно изучили. Японский Генеральный штаб был создан по образцу «большого» германского и усвоил германские доктрины и германские навыки, как положительные, так и отрицательные. Изучив Восточную войну и Турецкую кампанию 1877 года, японцы пришли к заключению, что в лице русской армии они «отнюдь не будут иметь выдающегося противника». Возможности Сибирского пути ими также недооценивались – японский Генеральный штаб считал невозможным сосредоточение в 6-месячный срок в Маньчжурии русской армии свыше 150 000 человек. Японцы полагали возможным пропуск одной пехотной дивизии в месяц и 3 пар воинских поездов (с войсками и довольствием) в сутки. Они ошиблись вдвое.

Совершенно иначе в смысле готовности к войне обстояли дела у нас. Со времени злополучной Гаагской конференции как правительство, так и общество были проникнуты усыпляющим и расслабляющим пацифизмом. О войне серьезно не думали. В частности, не допускали и мысли о том, что она может вспыхнуть на Дальнем Востоке; все внимание военного ведомства при генерале Куропаткине сосредоточилось на западной границе.

Наш план войны подвергался с 1895 по 1903 год значительным изменениям. Сперва считали, что с Японией справятся одни войска Приамурского округа. Затем войска эти решили усилить 6 резервными корпусами Сибирского и Казанского округов. И, наконец, было положено повысить качество подкреплений и направить на Дальний Восток два самых восточных полевых корпуса – X Киевского и XVII Московского военных округов.

Между политикой и стратегией у нас наблюдался совершенный разрыв. В 1902 году мы ослабили нашу Тихоокеанскую эскадру из чисто меркантильных соображений. К концу 1903 года состав эскадры был вновь усилен, но всемогущий министр финансов Витте, которому нужны были деньги для оборудования «своего» Дальнего, настоял на переводе кораблей в состояние «вооруженного резерва», что чрезвычайно ослабляло готовность флота. Морские силы были к тому же разбросаны: крейсера базировались на Владивосток, а главные силы – броненосцы и минная флотилия – были переведены в мелководный, каменистый и совершенно необорудованный Порт-Артур. В Артуре же отсутствовали доки и мастерские, и малейшие повреждения грозили оказаться смертельными для кораблей.

Первый план войны с Японией был составлен нами еще в 1895 году, ко времени нашей интервенции в японо-китайские дела. Превосходство франко-русско-германского флота над японским было подавляющим. Японская армия на материке предполагалась отрезанной от своих баз, и наши силы в Приамурском округе (30 500 человек, 74 орудия) признавались достаточными для нанесения ей поражения. За последовавшие 4 года наши силы на Дальнем Востоке удвоились, составив в 1898 году, в эпоху приобретения Порт-Артура, 60 000 человек при 126 орудиях. Однако мы уже не могли рассчитывать на сотрудничество иностранных флотов. Допускалась высадка японской армии в 110 000–130 000 человек. Наши силы должны были придерживаться строго оборонительного образа действий до прибытия 6 резервных корпусов, развернутых в Казанском и Сибирском округах и ожидавшихся к концу 4-го месяца.

Китайская война 1900 года имела следствием преобразование наших войск на дальневосточной окраине, увеличившее, как мы видели, их численность и повысившее их качество. Принятый в 1901 году план был проникнут оптимизмом. Положено было защитить Владивосток и Порт-Артур сильными гарнизонами, а остальные войска, около 30 000, развернуть в районе Мукден – Ляоян – Хайчен, где они должны были выжидать подкреплений, повышенных, как мы видели, в качественном отношении: вместо 6 резервных корпусов 4 резервных и 2 полевых. То, что у японцев, в свою очередь, могут оказаться резервы, составителями нашего плана не принималось во внимание. Из этого не следует, однако, делать вывод, что русские стратегические расчеты вообще хуже иностранных. Вспомним, что и французский план стратегического развертывания 1914 года (Жоффр, Кастельно) совершенно не считался с германскими резервными корпусами.

Летом 1903 года на Дальнем Востоке было учреждено наместничество. На этот высокий и ответственный пост был назначен адмирал Алексеев.

Присутствовавший в этом году на маневрах японской армии генерал Куропаткин вынес впечатление, что войны с Японией не будет. Министерства иностранных дел и финансов всецело разделяли эту точку зрения, и наместнику Алексееву было отказано в кредитах на оборону.

Между тем как раз с лета 1903 года политическая обстановка на Дальнем Востоке стала резко ухудшаться. Кучка беспринципных петербургских дельцов во главе со статс-секретарем Безобразовым решила организовать консорциум для разработки лесных богатств на реке Ялу, вдоль корейско-маньчжурской границы. Заручившись содействием придворных сфер, они стали устраивать на Ялу ряд факторий, формировать с помощью военных и гражданских властей вооруженные отряды и распускать слухи о том, что они намерены присоединить эту область к России. Слухи эти чрезвычайно беспокоили японское правительство и до крайности раздражали японское общественное мнение.

Токио сделало представление в Петербург о выводе русских войск из Маньчжурии (соглашение это было заключено еще в марте 1902 года, но вывод войск задерживался отчасти деятельностью хунхузов, но главным образом происками Безобразова и К°, которым было необходимо присутствие вооруженной силы для обеспечения своего предприятия).

Петербургский кабинет затягивал переговоры. Недооценка противника играла роль в пренебрежительном отношении нашего Министерства иностранных дел, не подозревавшего, что экзотическая страна мимоз может оказаться страной шимоз. Главная же причина заключалась в той нашей наивной уверенности, что раз в Гааге были подписаны державами, и Японией в том числе, бумажки об «арбитражах» и третейских разбирательствах, то всякая возможность войны тем самым устраняется. Считать Японию великой державой никто не желал.

Военное ведомство все же решилось на ряд предосторожностей. Поздней осенью 1903 года на Дальний Восток было отправлено по 1 бригаде из состава X и XVII корпусов. Бригады эти были, впрочем, отправлены немобилизованными, без артиллерии и обозов. Этим испытывалась и провозоспособность Сибирского пути, законченного на всем своем протяжении, за исключением Кругобайкальского участка. Из войск на Ляодуне образован новый III Сибирский армейский корпус, а к началу января 1904 года все 8 Сибирских стрелковых бригад развернуты в дивизии 12-батальонного состава (3-батарейные стрелковые артиллерийские дивизионы – в 4-батарейные стрелковые артиллерийские бригады) и вновь сформирована 9-я стрелковая дивизия.

Еще в ноябре Россия предложила нейтрализацию Кореи. Япония отвергла это предложение, добиваясь включения Кореи и Маньчжурии в свою сферу влияния, на что России ни в коем случае нельзя было согласиться. 31 декабря Япония резкой нотой потребовала увода русских войск из Маньчжурии. Петербург не счел нужным ответить – и 24 января 1904 года токийское правительство известило нас о разрыве дипломатических сношений.

Получив известие о разрыве с Японией, наместник адмирал Алексеев телеграфировал в Петербург о разрешении мобилизации и введении военного положения. На это ему было поведено «насколько возможно, продолжать обмен мнениями с токийским кабинетом» (штаб наместника служил передаточной инстанцией). На следующий же день, 25-го, министр иностранных дел граф Ламздорф телеграфировал наместнику, что «разрыв дипломатических сношений с Японией отнюдь не означает войны...».

Но маркиз Ито смотрел на это иначе. Он прервал сношения с ясной и определенной целью – и в ночь с 26 на 27 января японские миноносцы атаковали нашу эскадру на артурском рейде.

Этим блестящим ходом Япония сразу поставила себя в наи-выгодное политическое и стратегическое положение. Наоборот, пробуждение России от гаагского угара было печальным. Перенеся обывательские взгляды в политику (наша вечная и неизлечимая язва), мы негодовали на «вероломство» и «предательство» японцев. В действительности «вероломства» тут не было ни следа. Прервав весьма недвусмысленной нотой дипломатические сношения, Япония дала нам два драгоценных дня для принятия элементарнейших мер. Если мы, несмотря на все это, оказались застигнутыми врасплох, то лишь потому, что сами напрашивались на это. Упрекать японцев в несоблюдении протокольных формальностей мы не имели оснований, сами начав войну с Турцией в 1806 году и со Швецией в 1808 году без всякого объявления. Очнувшись от пацифистских утопий, мы растерянно оглядывались на враждебный нам мир. Немногочисленные наши друзья смущенно молчали. А многочисленные враги не скрывали больше своей ненависти и злорадства.

Начало войны

Русские силы на Дальнем Востоке составляли в январе 1904 года 90 000 человек при 184 орудиях, не успевших еще закончить своего переформирования. Артиллерия еще не освоилась с материальной частью – скорострельной пушкой. Мобилизация Приамурского округа была объявлена 28 января, Сибирского – 2 февраля. Главнокомандующим сухопутными и морскими силами был назначен наместник адмирал Алексеев, начальником его штаба – генерал Жилинский, генерал-квартирмейстером – генерал Флуг. Наместнику были подчинены: на суше – командующий Маньчжурской армией, на море – командующий Тихоокеанской эскадрой. Командующим Маньчжурской армией был назначен генерал Куропаткин, начальником его штаба – генерал Сахаров, генерал-квартирмейстером – генерал Харкевич; командующим Тихоокеанской эскадрой – адмирал Макаров. Оба командовавших находились еще в Петербурге. Во временное командование Маньчжурской армией вступил командующий войсками Приамурского округа генерал Линевич.

27 января в Чемульпо после героического неравного боя погибли крейсер «Варяг» и канонерская лодка «Кореец». Наша артурская эскадра была приведена минной атакой японцев в расстройство, потеряв подорванными 2 своих лучших броненосца и один крейсер. С первого же дня и часа войны японцы добились господства на море, залога господства на суше – великое политическое и стратегическое преимущество нападающего – и в первых числах февраля в Корею (Цинampo) стали высаживаться войска их I армии барона Куроки. В состав армии Куроки входили дивизии Гвардейская, 2-я и 12-я и 2 резервные бригады. Подготовка высадки может считаться образцовой. Она началась еще осенью 1903 года, когда японцы стали исподволь посылать в Корею партии запасных под видом рабочих, торговцев, земледельцев, ремесленников. Запасные эти знакомились с местностью, исправляли пути сообщения, производили разведку ресурсов. Японское правительство благодаря этому до последней минуты не производило общей мобилизации (что могло бы встревожить Россию раньше времени). Оно знало, что высадившиеся войска (2-я дивизия) найдут запасных уже на месте. В Японии было приступлено к формированию еще двух армий. Главнокомандующим был назначен маршал Ойяма, его начальником штаба – генерал Ко-дама. Флот вверен был адмиралу Того.

Распределение наших сил в феврале было следующим:

Ляодун занимал III Сибирский корпус генерала Стесселя (4-я и 7-я Сибирские стрелковые дивизии).

В районе Ляояна сосредоточились главные силы – I Сибирский корпус барона Штакельберга (1-я и 9-я Сибирские стрелковые дивизии) и 5-я Сибирская стрелковая дивизия II Сибирского корпуса.

На границу с Кореей, на Ялу, был выдвинут Восточный отряд: 3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии и забайкальцы (дивизия Ренненкампа и бригада Мищенко) под начальством командира II Сибирского корпуса генерала Засулича.

Наконец, в районе Владивостока оставались 2-я и 8-я Сибирские стрелковые дивизии.

В Сибирском военном округе резервные бригады развернулись в 3 Сибирские пехотные дивизии.

1-я могла быть готова раньше других, 2-я и 3-я составили IV Сибирский корпус генерала Зарубаева.

Мобилизованы и отправлены на Дальний Восток Сибирская и Оренбургская казачьи дивизии.

Одновременно была произведена частичная мобилизация Киевского и Московского военных округов, где объявлен поход X и XVII корпусам. Поведено было торопиться скорейшей отправкой этих двух корпусов – и эта торопливость отразилась на их укомплектова-

нии: в строй попали запасные преимущественно старших сроков, 39–43 лет, что не должно было способствовать повышению их боевых качеств. Военным начальникам было предписано отправлять в части первых явившихся. Таковыми оказались исполнительные и степенные «бородачи», явившиеся в присутствия сразу по получении повестки. Молодые запасные, как правило, загуливали и являлись через несколько дней, когда штатные нормы оказывались заполненными. «Бородачи» – все отцы семейств и люди, отвыкшие от строя, – видели в этом несправедливость, и это печально отражалось на их духе. Шедший первым X корпус только что укомплектовал за счет своих кадров 7-ю и 8-ю Сибирские стрелковые дивизии и еще не оправился от операции «переливания крови».

Еле достроенный Сибирский путь блестяще справлялся со своей труднейшей и ответственной задачей. Войска и грузы шли походным порядком по льду замерзшего Байкала, а с весны переправлялись через это сибирское море на огромном ледоколе «Байкал», куда вкачивались составы поездов.

В начале февраля наместник предписал конному отряду генерала Мищенко (2000 пашек, 6 орудий) произвести рекогносцировку Северной Кореи. Рекогносцировка эта совершенно не дала результатов – артиллеристу Мищенко не хватало кавалерийского глаза и кавалерийского сердца, его войскам (забайкальцы и пограничники) не хватало кавалерийской выучки. Разъезды продвинулись на каких-нибудь 100 верст, не обнаружив неприятеля и не выяснив районов его сосредоточения. Генерал Линевиц распорядился отвести отряд Мищенко назад, за Ялу. 25 февраля в Телин прибыл Куропаткин, вступивший в командование Маньчжурской армией. Генерал Линевиц вернулся в Хабаровск.

Организация русского верховного командования, совершенно не предусмотренная Положением о полевом управлении войск, явилась ненормальной и глубоко дефективной. Наместник мог считаться главнокомандующим лишь номинально. Командующий Маньчжурской армией – «самостоятельный помощник», в действительности же фактический главнокомандующий, – сносился непосредственно с Петербургом.

Куропаткин с самого начала проявил тенденцию не считаться с указаниями Алексеева, полагая его, как моряка, малокомпетентным в вопросах «сухопутной» стратегии.

Расхождение во взглядах обоих штабов наметилось сразу. Адмирал Алексеев требовал решительного образа действий для недопущения японцев в глубь материка и находил наши силы достаточными для того, чтоб сбросить в море не успевшую еще усилиться японскую армию (к марту у нас было 6 дивизий против 3 японских). Генерал Куропаткин, наоборот, утверждал, что «чем дальше заберутся японцы, тем лучше!». Командующий Маньчжурской армией был под очевидным влиянием своего генерал-квартирмейстера, весьма посредственного исследователя Отечественной войны.

Весь февраль и март Маньчжурская армия держалась совершенно пассивно. В главных силах по прибытии IV Сибирского корпуса считалось 6 пехотных и 1 кавалерийская дивизия – 80 000 строевых и 210 орудий, расположенных вдоль железной дороги от Ляояна до Мукдена. Восточный отряд генерала Засулича – 2 пехотные и 1,5 кавалерийские дивизии, 25 000 бойцов и 78 орудий – составлял «стратегический авангард» на реке Ялу, в дикой, горной и лесистой местности на отлете свыше 200 верст от главных сил.

По настоянию наместника передовой отряд генерала Мищенко двинулся в Корею и 15 марта имел небольшое столкновение с японским авангардом у Чжен-Чжю. Мищенко отвел свою конницу за Ялу, в исходное положение, опасаясь, что ледоход отрежет его от главных сил Восточного отряда. Никаких результатов этот второй поиск в Корею не дал.

Военные действия сосредоточились на море у Порт-Артура. Прибывший туда Макаров буквально переродил всех и все, сообщив всем артурцам несокрушимую свою энергию и пламенную веру в русское дело. На суше вырастали форты, как за полстолетия до того воздвига-

лись севастопольские бастионы. На море произошел ряд лихих дел. Наши моряки сцеплялись на abordаж с отчаянно храбрыми японскими брандерами, все нападения которых с целью закупорить рейд были отбиты. Наш маленький крейсер «Новик» (капитан 2-го ранга фон Эссен) атаковал один весь японский флот. С прибытием Макарова эскадру нельзя было узнать.

И тем ужаснее, тем непоправимее была катастрофа 31 марта. Не стало Нахимова Тихого океана! Россия лишилась своего лучшего моряка, эскадра потеряла свое сердце... В числе немногих спасшихся с «Петропавловска» был великий князь Кирилл Владимирович.

Адмирал Алексеев поставил задачей Маньчжурской армии «притянуть на себя японскую армию, дабы не дать ей возможности всеми силами обрушиться на Порт-Артур и задержать ее наступление через Ялу и далее».

Для этой последней задачи, как мы видели, на Ялу был выдвинут Восточный отряд. Задержка японцев на Ялу не входила, впрочем, в расчеты командовавшего Маньчжурской армией, и генералу Засуличу было приказано «не вступать в бой с превосходными силами».

Генерал Засулич занял чисто пассивное, кордонное расположение по высотам правого берега. Не помышляя об активной обороне, он не оборудовал тет-де-понов и за два месяца стоянки на Ялу не укрепил своих позиций и не производил разведок.

К концу марта армия Куроки заканчивала свое сосредоточение, и маршал Ойяма поставил ей задачей овладеть линией Ялу, сбить Восточный отряд и открыть этим путь в Маньчжурию. 22 марта к Ялу подошел слабый японский авангард (всего 2000 человек), но генерал Засулич упустил возможность его уничтожить. Когда приказывается «не вступать в бой с превосходными силами», то дело всегда кончается тем, что бояться тронуть и неприятельский дозор...

В конце марта Куроки подошел к Ялу, без труда овладел многочисленными островами, навел мост, совершенно нами не замеченный, и 18 апреля нанес Восточному отряду полное поражение под Тюренченом. До чего плохо велась у нас разведка, видно из того, что о переправе японцев наши войска узнали только по грохоту колес по настилке моста. Японцы атаковали 22-й стрелковый полк, поспешно отступивший и обнаживший фланг бригады 3-й стрелковой дивизии генерала Кашталинского. Дальнейший бой свелся к единоборству 11-го и 12-го Восточно-Сибирских полков против 3 дивизий армии Куроки (35 000 штыков, 128 орудий). Наши стрелки бились геройски, особенно 11-й полк, пробившийся штыками сквозь кольцо врагов, потерявший командира и ходивший в атаки с музыкой. Полковой священник шел впереди с крестом. Яростное сопротивление наших 6 батальонов 32 японским ввело Куроки в заблуждение относительно нашей численности: каждый наш полк он считал за дивизию. После боя ему были представлены раненые и попавшие в плен русские офицеры.

Узнав от них, что против его армии дрались всего два полка, Куроки поклонился им: «В таком случае, господа, поздравляю вас – вы герои!» Под Тюренченом 6000 русских с 30 орудиями дрались с 36 000 японцев при 128 орудиях.

Мы лишились 63 офицеров, 2718 нижних чинов, 22 орудий и 8 пулеметов – 46 процентов всех участвовавших войск. У японцев убыло 30 офицеров и 1000 нижних чинов. Засулич спешно стал отходить на Фынхуанчен – важный узел путей из Кореи в Маньчжурию и дальше. Следом за ним двинулся и Куроки.

Тюренченский бой, как некогда Альма, показал нашу страшную тактическую отсталость и явился как бы синтезом всех наших недочетов в этой области. Куроки, подобно Сент-Арно, мог бы сказать: «Они отстали на полстолетия!» Потеря орудий (22 пушки) действовала особенно удручающе – за сто лет от Аустерлица до Тюренчена во всех многочисленных войнах и бесчисленных сражениях русская армия взяла с боя 3 с лишним тысячи орудий, но сама лишь один раз потеряла 16 – в кровавый день Фридланда.

Цена фридландским этим пушкам – один взятый нами штандарт. При Эйлау мы потеряли 14 орудий, но взяли 12, при Бородине потеряли 15, но взяли 13. В неудачных делах 1814 года мы лишились при Нанжи 10 орудий, при Шампобере – 9 и Монмирале – 8. В Польскую кампанию потеряли при Стоचेке – 8 и при Дембе-Вельке – 10 пушек. В Восточную войну в неудачных сражениях при Альме, при Инкермане и на Черной нами не потеряно ни одного орудия; в Турецкую войну 1877 года в неудачном деле при Елене потеряно 11. Большая скорбь, но и большое протрезвление: японец перестал быть «макакой», и вся энергия войсковых штабов и строевого офицерства пехоты и артиллерии обратилась на скорейшее исправление всех этих недочетов, поскольку это было вообще возможно в тяжелых военных условиях. Переучиваться приходилось буквально под огнем, но от генерала до рядового железных восточносибирских полков и батарей никто не пал духом.

Дело 18 апреля явилось как бы сигналом к развертыванию на материке всей японской вооруженной силы.

23-го числа у Бицзыво, в 30 верстах на северо-восток от Ляодуна, стала высаживаться II армия генерала Оку в составе 3 дивизий, и 28 апреля сообщения Порт-Артура с Маньчжурской армией и с Россией были прерваны. Армии Оку надлежало действовать фронтально против нашей Маньчжурской армии, в то время как армия Куроки должна была угрожать ее левому флангу и сообщениям. Для связи между армиями Оку и Куроки в первых числах мая в Дагушане высадилась IV армия генерала Нодзу – вначале всего 1 дивизия.

Выйдя на Южно-Маньчжурскую железную дорогу, Оку завернул правым плечом и двинулся на Ляодун в порт-артурском направлении, повернувшись тылом к нашей Маньчжурской армии. Отдаленность наших главных сил и полная пассивность Куропаткина позволили ему выполнить этот чрезвычайно рискованный маневр. II японская армия находилась между двумя русскими, каждая одинаковой с ней силы: с юга – Стессель, с севера – Куропаткин. Перейди они в наступление, Оку попал бы между молотом и наковальней.

13 мая после жестокого сражения и понеся большие потери, Оку форсировал Цзинь-Чжоуский перешеек – ворота в Ляодун. Против 5-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, схватившегося со всей II японской армией на цзиньчжоуской позиции, генерал Оку развернул 32 батальона и 210 орудий. У нас имелось 56 пушек, главным образом поршневых (трофеи 1900 года), стоявших открыто и сразу же сбитых и приведенных к молчанию. На каждую русскую роту японцы двинули полк, по каждому батальону били из 12 батарей... Все атаки II японской армии 5-м стрелковым полком были отражены, и мы покинули позицию, лишь будучи взяты в оба фланга огнем неприятельского флота. Генерал Стессель ничем не помог защитникам Цзиньчжоу. Наши потери – 28 офицеров, 1215 нижних чинов, японцы потеряли 133 офицера, 4071 нижний чин.

Введи Стессель в дело весь свой корпус, а не один лишь полк, разгром японской армии был бы полный и ход войны решительно изменился бы в нашу пользу. Но русские военачальники конца XIX и начала XX века весь смысл войны полагали в том, чтобы «отбиваться», а не самим наносить удары. Стессель отступил в глубь Ляодуна. Оку его не преследовал: оставив на Цзиньчжоу заслон, он с главными силами сделал «налево кругом» и двинулся вдоль линии железной дороги в ляоянском направлении, на сближение с главными силами Маньчжурской армии.

Операции против Порт-Артура были поручены III армии генерала Ноги, высадившейся в Талиенванском заливе в середине мая. Овладев без боя Дальним, Ноги нашел там идеально оборудованную базу для действий против Порт-Артура. Так, совершенно без всяких препятствий с русской стороны состоялась высадка на материке четырех японских армий.

В 20-х числах мая положение представлялось в следующем виде. Три японские армии занимали широкий фронт в 200 верст в юго-восточной Маньчжурии. Справа налево (с востока на запад) это были: I армия генерала Куроки (3 дивизии, 45 000 человек, 128 орудий), IV армия

генерала Нодзу (1 дивизия, 15 000 человек, 36 орудий) и II армия генерала Оку (3 дивизии, 40 000 человек, 216 орудий). Всего 100 000 бойцов при 380 орудиях – 7 пехотных дивизий сильного состава. Наша Маньчжурская армия была расположена своими главными силами (I, II, IV Сибирские корпуса) против Оку и Нодзу, поддерживая с ними контакт выдвинутыми далеко вперед конными отрядами. 17 мая части Сибирской казачьей дивизии генерала Самсонова и пограничники имели лихое конное дело при Вафангоу. Против армии Куроки, нависавшей в горах подобно лавине над нашим левым флангом, продолжал находиться Восточный отряд, где на место генерала Засулича, вернувшегося во II Сибирский корпус, командующим был назначен только что прибывший из России генерал граф Келлер.

24 мая главнокомандующий адмирал Алексеев предписал генералу Куропаткину перейти безотлагательно в наступление на выручку Порт-Артура силами «не менее 48 батальонов» (то есть 4 стрелковые дивизии). Наместник требовал активных действий. Командующий Маньчжурской армией являлся, однако, сторонником пассивно-выжидательной тактики, желая дать бой на сильно укрепленных лоянских позициях и ни в коем случае не наступать самому. На приказ о наступлении генерал Куропаткин посмотрел поэтому как на «отбывание номера» и отправил, в порядке канцелярской отписки, I Сибирский армейский корпус барона Штакельберга – не 48 батальонов, как то приказывал Алексеев, а вдвое меньше. Предписав Штакельбергу «с превосходными силами в бой отнюдь не вступать», Куропаткин счел свой долг исполненным. Выдвинувшийся на юг I Сибирский корпус занял позицию у станции Вафангоу и здесь в двухдневном бою с армией Оку (1 и 2 июня) потерпел поражение и отошел к Дашичао. Превосходство армии Оку над корпусом Штакельберга было более чем полуторным в пехоте и более чем двойным в артиллерии. Штакельберг намеревался сдержать японцев с фронта 9-й Сибирской стрелковой дивизией, а 1-й нанести им удар в правый фланг.

Однако он не сумел согласовать действия своих «отрядов», терявших время и атаковавших разрозненно, и плохо распорядился своей артиллерией, дав ее разгромить на открытых позициях (в центре против 40 наших орудий, стоявших открыто, действовало свыше 100 японских). Отступление всего корпуса прикрыли всего 6 рот 36-го Сибирского стрелкового полка полковника Бачинского, задержавших 6 японских полков. Наш урон – 131 офицер, 3577 нижних чинов убитыми и ранеными и 21 орудие. Японцы лишились 35 офицеров и 1137 нижних чинов. Так закончилась первая попытка активных действий Маньчжурской армии. После сражения при Вафангоу Оку занял без боя Сенючен (8 июня) и Гайчжоу (26-го).

Конец мая и весь июнь прошли в Восточном отряде в «усиленных рекогносцировках», не дававших никаких положительных результатов и зря утомлявших войска. В июне прибыл в Маньчжурию и был двинут в Восточный отряд X армейский корпус генерала Случевского (шипкинская 9-я и плевненская 31-я пехотные дивизии). Силы графа Келлера сравнялись с таковыми же Куроки, и он мог перейти к более активным действиям.

Следом за X корпусом стал прибывать и XVII барона Бильдерлинга (3-я и 35-я пехотные дивизии). В свою очередь и японские армии стали усиливаться резервными бригадами.

В половине июня Куроки стал проявлять активность и рядом частичных наступлений оттеснил авангарды Восточного отряда с перевалов Феншуйлинского (12 июня), Далинского (14-го) и Модулинского (16-го). Мы сумели ответить лишь очередной «усиленной рекогносцировкой» 26 июня, по обыкновению безрезультатной.

Все это бесполезное изматывание войск, топтание на месте различных «отрядов», чередовавшееся с постоянными отступлениями, действовало удручающе на страну и войска. Между тем с подходом X корпуса мы приобретали перевес. Весь июнь адмирал Алексеев требовал от генерала Куропаткина решительных действий и получал уклончивые ответы.

Чтобы что-нибудь предпринять, командовавший Маньчжурской армией предписал Восточному отряду наступать на Модулинский перевал, но при этом «не задаваясь целью

непременно овладеть перевалом, действовать в зависимости от обстановки и обнаружившихся японских сил». Вот что приказывал сподвижник Скобелева! Подобного рода проза могла лишь деморализовать подчиненных, безвозвратно убивая в них желание победить, угашая дух, подрывая энергию. И бой 4–6 июля на Модулинском перевале закончился безрезультатно, подобно всем предшествовавшим попыткам. В этом бою мы потеряли 46 офицеров, 1507 нижних чинов.

7 июля на совещании адмирала Алексеева с генералом Куропаткиным было решено ограничиться обороной на южном фронте против Оку и Нодзу и предпринять решительную наступательную операцию на восточном – против наиболее опасной армии Куроки. Сообразно с этим войска Маньчжурской армии получили новую организацию. На правом фланге, по обеим сторонам железной дороги, I и IV Сибирские корпуса составили Южный отряд генерала Зарубаева против армии Оку. В центре слабый II Сибирский корпус генерала Засулича, против армии Нодзу, связывал Южный отряд с сильной ударной группой Восточного отряда (X и часть XVII армейского корпуса, 3-я и 6-я Сибирские стрелковые дивизии), которую должен был повести против Куроки сам Куропаткин. Всего против 112 000 японцев у нас в боевой линии было 137 000 пехоты и кавалерии, не считая подходившего XVII корпуса.

Наступательная операция наша так и не состоялась. 10 июля обнаружилось наступление армии Оку против нашего Южного отряда в общем направлении на Дашичао. В происшедшем здесь 11 июля бою японцы были отражены по всей линии. Генерал Зарубаев предложил либо отступить заблаговременно без боя, сберегая войска, либо уж драться серьезно, до последнего, и разбить японцев. Но Куропаткин, половинчатая натура которого не выносила определенных решений, настоял на компромиссе – арьергардном бое. Против всей армии Оку мы ввели только 18 батальонов, несмотря на то, что могли бы ввести равные силы (по 40 000). Но и эти силы отразили японцев, причем особенно лихо действовал Барнаульский полк. Наша артиллерия работала блестяще – и 122 орудия вырвали господство над полем сражения у 256 японских. Наши потери – 37 офицеров, 782 нижних чинов, у японцев вышло 60 офицеров и свыше 1100 нижних чинов. Тем болезненнее поразило войска, уже было почувствовавшие свое превосходство над неприятелем, приказ Куропаткина отступать... С оставлением Дашичао оставался врагу и порт Инкоу (соединенный с Дашичао железнодорожной веткой) и терялась морская связь с Порт-Артуром.

18 июля прибывший в Маньчжурию маршал Ойяма перешел в наступление армиями Нодзу и Куроки. При Кангуалине армия Нодзу потеснила отряд Засулича, а в бою на Янзелинском перевале с армией Куроки потерпел поражение наш Восточный отряд и был убит храбрый граф Келлер. Вся тяжесть боя при Кангуалине пала на Козловский и Воронежский полки. Из 24 батальонов введено лишь 7, из 10 батарей – лишь 2, «за неимением позиций» для остальных. Мы лишились 60 офицеров, 1611 нижних чинов и 6 орудий. Японские потери – 35 офицеров, 822 нижних чинов. Характерна инструкция Куропаткина Засуличу: «Задерживаться на каждом шагу, но все же без упорства». На Янзелинском перевале наш урон был до 1800 убитыми и ранеными, 150 пленных и 2 орудия. Японцы потеряли 40 офицеров, 906 нижних чинов. Граф Келлер, бывший начальник штаба Скобелева под Шейновом, был 12 лет до войны на нестроевых должностях директора Пажеского корпуса и екатеринославского губернатора. Последней его командной должностью был стрелковый батальон. Чувствуя свою тактическую неподготовленность, граф старался возместить ее личной храбростью, благородным образом заплатив за честь командовать корпусом.

Зарубаев и Засулич отступили на Хайченские позиции, но 24 июля Хайчен было предписано оставить без боя. Сибирские дивизии Восточного отряда соединены были в III Сибирский корпус генерала Иванова (Николая Иудовича), а находившийся в Квантунской области III Сибирский корпус генерала Стесселя переименован в «войска Квантунского укрепленного района».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.